

Виктор Блытов

СЛУЖИЛ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

Морской роман

Служу России!

Виктор Блытов

Служил Советскому Союзу!

«Горизонт»

2012

Блытов В. А.

Служил Советскому Союзу! / В. А. Блытов — «Горизонт»,
2012 — (Служу России!)

ISBN 978-5-906858-88-7

Морской роман «Служил Советскому Союзу» написан на базе вышедшего в 2010 году в Германии морского романа «На вахте». В течение нескольких лет, прошедших с момента издания, вышедший роман «На вахте» автором переосмыслен, переработан, значительно дополнен и подготовлен к новому издательству. Показанные в романе события происходили в 70-90 годы 20 столетия. Противостояние двух ведущих государств СССР и США требовало реализации новых подходов в создании оружия противостояния. Основной упор создания оружия нападения в США оказались направленными на военно-морской флот и авиацию. Все планы по реализации мирового господства направлены на уничтожение противоборствующих им сил и стран именно с морских направлений. СССР тоже в 70-х годах был вынужден начать развитие стратегии противодействия силам США с морских направлений. Начал экстренно создаваться океанский ракетно-ядерный флот. Для обеспечения его боевой устойчивости в удаленных районах океанов потребовалось создание авианосцев и сил их обеспечения. В рамках этих программ были построены тяжелые авианесущие крейсера, называвшиеся на первом этапе в честь городов-героев – «Киев», «Минск», «Новороссийск», «Баку». Эти корабли были построены, введены в строй ВМФ и участвовали в сдерживании военно-морских сил США и блока НАТО с морских направлений. На этих кораблях «становилась на крыло» палубная авиация, готовились летчики, отрабатывались приемы боевого применения палубной авиации. Авианосные крейсера к середине восьмидесятых годов стали органической частью Военно-морского флота СССР перед которыми ставились свои задачи. После смерти Леонида Ильича Брежнева – руководителя СССР, начала реализовываться немного другая концепция и авианесущие корабли начали называться в честь столиц республик СССР – «Баку», «Тбилиси». Впоследствии они были переименованы. К 90-м годам

программа строительства авианосцев и судоремонта уже бывших в составе флота затормозила свою реализацию, из-за нехватки средств. Как многие аналитики считают, создаваемой искусственно, теми людьми во власти России, которые считали, что противников у новой России нет. И тем не менее, при наличии на море вероятных противников, угрожающих территории России, ее суверенитету и независимости с морских направлений, встали в полном объеме перед руководством России в полном объеме, необходимость восстановления военно-морского флота, создания новых более современных образцов вооружения. В морском романе показывается период становления авианосных кораблей, названных в романе просто авианосцами. Рассмотрена как бы изнутри служба на этих кораблях, подготовка экипажей, сложности, которые переживали офицеры, мичмана, старшины и матросы, проходившие там службу. Образы моряков, описанные автором в романе, имеют реальных прототипов, однако названия, фамилии, имена изменены. Не все реальные события имели место, но могли быть. Собран собирательный образ всех четырёх советских авианесущих кораблей (тяжелых авианесущих кораблей («Киев», «Минск», «Новороссийск», «Баку» (позднее адмирал флота Советского Союза Горшков)). В романе, показанный тяжелый авианосный крейсер назван авианосцем и имеет название «Брест». Прототипом авианосца «Брест» является, прежде всего, тяжелый авианосный крейсер «Минск», на котором проходил службу автор в должности командира БЧ-4 и некоторое время исполнял обязанности старшего помощника командира корабля. Все события и герои, показанные в романе взяты из реальности, служба и жизнь адмиралов, офицеров, мичманов, старшин и матросов показана реальной, такой, какой она и была в 70-80-х годах. Читайте и переживайте все события вместе с героями. Это их жизнь и они в ней уже живут, любят, переживают, женятся, разводятся, терпят жизненный крах и даже умирают. Вместе с людьми строятся, живут, служат и потом умирают их корабли. Роман составлен из отдельных самостоятельных рассказов о службе на флоте в указное время, связанных между собой одними героями, кораблями и службой. Продолжением романа «Служил Советскому Союзу» являются романы написанные этим же автором «После флота» о судьбе героев романа «Служил Советскому Союзу», выброшенных в 90-е годы с флота и оказавшихся в непривычной для них обстановке, где надо выживать им и их семьям. А так же продолжением является и роман «Кузя» о жизни и участии одного из героев романа «Служил Советскому Союзу» в первой чеченской войне.

ISBN 978-5-906858-88-7

© Блытов В. А., 2012

© Горизонт, 2012

Содержание

От автора	8
Введение	10
Дело «Зорро»	14
Встречный бой	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктор Блытов

Служил Советскому Союзу!

Книга посвящается первому командиру ТАКР «Минск» контр-адмиралу Гокинаеву Виктору Александровичу.

От автора

Морской роман «Служил Советскому Союзу!» написан на базе вышедшего в 2010 году в Германии морского романа «На вахте».

В течение нескольких лет, прошедших с момента издания, вышедший роман «На вахте» автором переосмыслен, переработан, значительно дополнен и подготовлен к новому издательству.

Показанные в романе события происходили в 70-90 годы 20 столетия.

Противостояние двух ведущих государств СССР и США требовало реализации новых подходов в создании оружия противостояния. Основной упор создания оружия нападения в США оказались направленными на военно-морской флот и авиацию. Все планы по реализации мирового господства направлены на уничтожение противоборствующих им сил и стран именно с морских направлений.

СССР тоже в 70-х годах был вынужден начать развитие стратегии противодействия силам США с морских направлений. Начал экстренно создаваться океанский ракетно-ядерный флот. Для обеспечения его боевой устойчивости в удаленных районах океанов потребовалось создание авианосцев и сил их обеспечения.

В рамках этих программ были построены тяжелые авианесущие крейсера, называвшиеся на первом этапе в честь городов-героев – «Киев», «Минск», «Новороссийск», «Баку». Эти корабли были построены, введены в строй ВМФ и участвовали в сдерживании военно-морских сил США и блока НАТО с морских направлений. На этих кораблях «становилась на крыло» палубная авиация, готовились летчики, отрабатывались приемы боевого применения палубной авиации. Авианосные крейсера к середине восьмидесятых годов стали органической частью Военно-морского флота СССР перед которыми ставились свои задачи.

После смерти Леонида Ильича Брежнева – руководителя СССР, начала реализовываться немного другая концепция и авианесущие корабли начали называться в честь столиц республик СССР – «Баку», «Тбилиси». Впоследствии они были переименованы.

К 90-м годам программа строительства авианосцев и судоремонта уже бывших в составе флота затормозила свою реализацию, из-за нехватки средств. Как многие аналитики считают, создаваемой искусственно, теми людьми во власти России, которые считали, что противников у новой России нет.

И тем не менее, при наличии на море вероятных противников, угрожающих территории России, ее суверенитету и независимости с морских направлений, встали в полном объеме перед руководством России в полном объеме, необходимость восстановления военно-морского флота, создания новых более современных образцов вооружения.

В морском романе показывается период становления авианосных кораблей, названных в романе просто авианосцами. Рассмотрена как бы изнутри служба на этих кораблях, подготовка экипажей, сложности, которые переживали офицеры, мичмана, старшины и матросы, проходившие там службу.

Образы моряков, описанные автором в романе, имеют реальных прототипов, однако названия, фамилии, имена изменены. Не все реальные события имели место, но могли быть.

Собран собирательный образ всех четырех советских авианесущих кораблей (тяжелых авианесущих кораблей («Киев», «Минск», «Новороссийск», «Баку» (позднее адмирал флота Советского Союза Горшков)). В романе, показанный тяжелый авианосный крейсер назван авианосцем и имеет название «Брест».

Прототипом авианосца «Брест» является, прежде всего, тяжелый авианосный крейсер «Минск», на котором проходил службу автор в должности командира БЧ-4 и некоторое время исполнял обязанности старшего помощника командира корабля.

Все события и герои, показанные в романе взяты из реальности, служба и жизнь адмиралов, офицеров, мичманов, старшин и матросов показана реальной, такой, какой она и была в 70-80-х годах.

Читайте и переживайте все события вместе с героями. Это их жизнь и они в ней уже живут, любят, переживают, женятся, разводятся, терпят жизненный крах и даже умирают.

Вместе с людьми строятся, живут, служат и потом умирают их корабли.

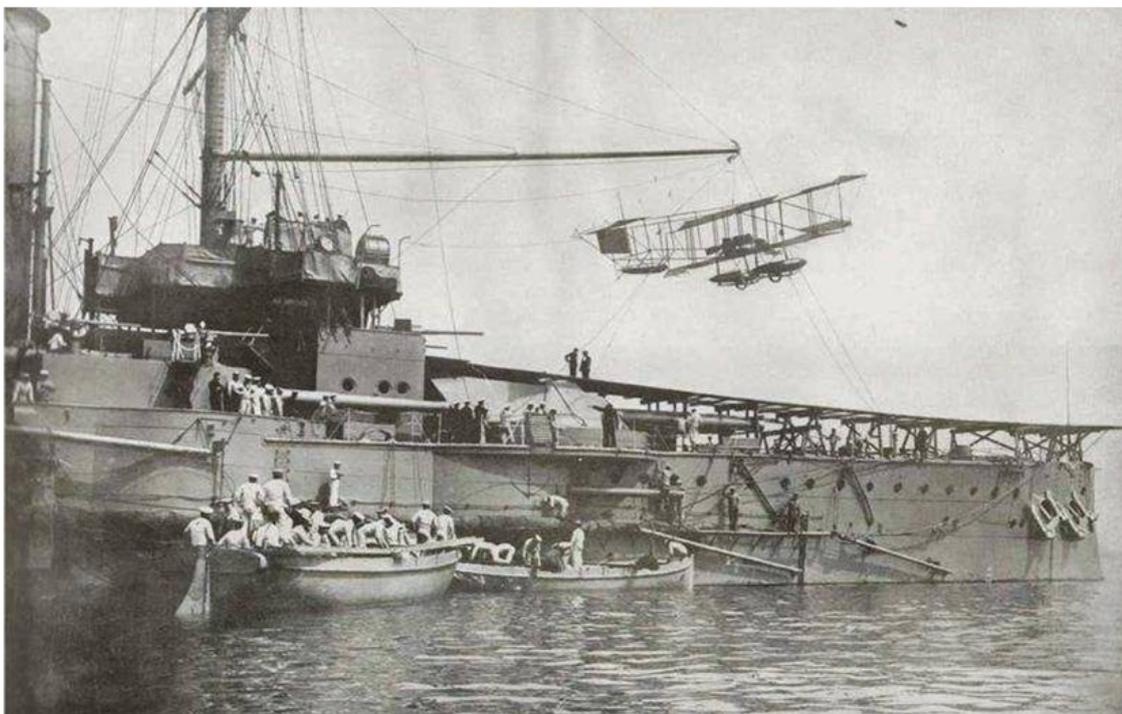
Роман составлен из отдельных самостоятельных рассказов о службе на флоте в указанное время, связанных между собой одними героями, кораблями и службой.

Продолжением романа «Служил Советскому Союзу!» являются романы написанные этим же автором «После флота» о судьбе героев романа «Служил Советскому Союзу», выброшенных в 90-е годы с флота и оказавшихся в непривычной для них обстановке, где надо выживать им и их семьям.

А так же продолжением является и роман «Кузя» о жизни и участии одного из героев романа «Служил Советскому Союзу!» в первой чеченской войне.

Введение

Что такое авианосцы и зачем они нужны нашей стране?

Авианосец – класс военных кораблей, основной ударной силой которого является палубная авиация (ударная, противолодочная, десантная, спасательная).

Авианосец – универсальный боевой корабль, предназначенный для боевого использования палубной авиации, там где необходимо обеспечить силам флота воздушное прикрытие, содействия развертыванию сил флота в районы боевого предназначения, нанесения ударов по объектам и кораблям вероятного противника, уничтожения подводных лодок противника, а также для обслуживания авиационной группы с целью дальнейшего применения.

Первыми кораблями, несущими авиацию, можно фактически назвать аэростатоносцы XIX и начала XX века. В связи с ограниченностью возможностей аэростатов, они применялись главным образом в разведывательных целях (отдельные попытки использовать аэростаты для бомбардировок трудно назвать успешными). Позднее, многие из построенных в начале XX века аэростатоносцев были переоборудованы для несения гидросамолётов.

Развитие авиации в начале XX века заставило морские ведомства различных стран обратить внимание на возможность применения самолётов в морском военном деле. Первоначально самолёты рассматривались как разведчики, однако вскоре по мере развития самолётостроения и улучшения характеристик лётных машин стал ясен потенциал бомбардировочной и торпедоносной авиации.

Общие черты концепции авианосцев были предложены в докладе военно-морского атташе США во Франции в 1908 году. Более детально концепция авианосцев была описана в книге Клемана Адера «L'Aviation Militaire», изданной в 1909 году.

Первый взлёт с палубы совершил 14 ноября 1910 американец Юджин Б. Эли с борта лёгкого крейсера «Бирмингем» (англ. *USS Birmingham (CL-2)*). Через два месяца, 18 января

1911 года, он же совершил посадку на борт броненосного крейсера «Пенсильвания» (англ. *USS Pennsylvania*).

Специально для этого была смонтирована деревянная взлётная палуба, с которой лётчик вскоре после успешной посадки снова взлетел.

Первым настоящим авианосцем (правда, несущим гидросамолёты) являлся британский авианосец HMS Ark Royal, который был принят на вооружение в 1915 году. Корабль участвовал в Первой мировой войне и проводил бомбардировки турецких позиций.

Особым типом авианесущих кораблей в годы первой мировой войны плавучие стали базы гидросамолётов, авиаматки, классифицировавшиеся в разных флотах как авиатендеры или гидроавианосцы. Данный тип кораблей мог обеспечить перемещение и взлёт гидросамолётов, но не обеспечивал их посадку, вследствие чего самолёты садились на воду и впоследствии поднимались на борт судна кранами.

Самый первый авианосец во флоте Российской империи появился 19 ноября 1904 года, им стал аэростатоносец «Русь», купленный на пожертвования графа Строганова в Германии. «Русь» нёс на борту 8 аэростатов и 1 сферический воздушный шар. Аэростатоносец «Русь» так и не принял участия в Русско-японской войне, а вскоре после поражения у Цусимы, он и вовсе был продан «за ненадобностью».

Через несколько лет, в 1909 году капитан корпуса корабельных инженеров Л. Мациевич, выступил в Петербурге с докладом о необходимости создания авианосцев, а затем через полгода предложил проект строительства авианосца на 25 аэропланов, с проведением предварительных опытов на одном из эсминцев.

Весной 1910 года подполковником К. Конкоткиным, был предложен гораздо более дешёвый проект по переделке устаревшего корабля «Адмирал Лазарев», в настоящий авианосец с полётной палубой и ангаром. И хотя оба проекта не были отвергнуты, проект Мациевича был отправлен в архив после его гибели в авиакатастрофе осенью 1910.

Проект Конокоткина, после его перевода на Амурскую Флотилию был закрыт, с формулировкой «Дело производством само собой прекращено».

С началом Первой мировой войны, морское ведомство вновь вспомнило об авианосцах, но поскольку строить настоящие авианосцы было уже слишком поздно, то было принято решение переоборудовать пароходы «Императрица Александра», «Император Александр I», «Император Николай I», «Румыния» в гидроавианосцы, а также дополнить вооружение крейсера «Алмаз» гидропланом. «Императрица Александра» была сразу переименована в «Орлицу», а «Император Александр I» и «Император Николай I» были переименованы в «Республиканец» и «Авиатор» после Февральской Революции.

Все эти гидроавианосцы (включая и крейсер «Алмаз») успели принять активное участие в войне.

При Советской власти господствовало мнение, высказанное В.И. Лениным, что авианосцы являются оружие агрессии. Постольку, поскольку СССР воевать ни с кем не собирался, проекты авианосцев в предвоенное время не разрабатывались.

Вторая мировая война наглядно показала эффективность использования авианосцев, такими странами как США, Япония, Великобритания. На некоторых участках мирового океана именно авианосцы, решали успешность ведения боевых действий. В тематическом сборнике составленном Разумным И.А. «Боевое использование авианосцев» собранном по материалам зарубежной печати и изданном в 1973 году, наглядно показано применение авианосцев всеми странами, их имевшими в годы второй мировой войны.

США имели к концу войны более 40 авианосцев различных классов. В послевоенные годы программа строительства авианосцев в США была значительно расширена. Авианосцы имели основные страны блока НАТО, такие как Великобритания и Франция.

Все попытки наркома ВМФ Кузнецова строить авианосцы в послевоенные годы успеха не принесли. Сталин считал не разумным расходовать средства на строительство дорогостоящих кораблей, так как говорил, что у берегов Америки мы воевать не будем.

Никита Сергеевич Хрущев был категорически против строительства любых больших кораблей.

И только через десять лет была принята программа по строительству нескольких вертолетоносцев типа «Москва» проекта 1123. В декабре 1967 года главком ВМФ С.Г. Горшков предложил построить корабль комплексного базирования вертолетов и самолетов вертикального взлета. С 1967 года Невского ПКБ начало проектирование первого советского авианосца или правильнее сказать авианосного крейсера, так как на его вооружении помимо вертолетов и самолетов было еще и ударное ракетное и противолодочное оружие.

Первая посадка самолета вертикального взлета была произведена на противолодочный крейсер «Москва» в 1972 году. Первый корабль проекта 1143 «Киев» впервые вышел в море в 1975 году. Флот начал получать на вооружение тяжелые авианосные крейсера «Киев», «Минск», «Новороссийск», «Баку». А после них планировалось строить настоящие авианосцы, такие как «Тбилиси» и «Варяг». На Черноморском судостроительном заводе был заложен первый атомный авианосец «Ульяновск». Но СССР распался, в программа строительства авианосцев была благополучно уничтожена нашими новыми «партнерами» из США. Уже построенные авианосцы были срочно уничтожены по их же рекомендациям. В строю случайно остался лишь один «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов».

Сейчас снова рассматриваются проекты создания российских авианосцев. Первый эскизный проект условно назван «Шторм».

Зачем СССР, а теперь и России понадобилось строить такие дорогостоящие корабли? Была ли в этом насущная необходимость?

В 1967 году флот СССР вышел на океанские просторы. Впервые была создана в удаленных районах океанов и морей, система боевой службы, с постоянным присутствием кораблей вне зоны прикрытия своей береговой авиации.

Авиация являлась наиболее эффективным оружием по борьбе с надводными кораблями и подводными лодками. Во время Великой Отечественной войны, флот СССР потерял, только от авиации, 289 кораблей и судов.

Оружие нападения, на военные и гражданские объекты СССР получило развитие в послевоенное время. Одним из которых, явились крылатые ракеты «Томагавк», способные поражать береговые цели на расстояниях до 2500 километров и корабли на расстояниях до 540 километров. Появилась необходимость противодействия носителям этого оружия на максимальной дальности. Но корабли без надежного авиационного прикрытия, в районах предполагаемых пусков этих ракет, обладали очень низкой живучестью. Повысить эту живучесть могли только авианесущие корабли.

70-ые и 80 годы 20 столетия стали годами становления советских авианосных кораблей, отработки ими способов боевого использования всех видов оружия.

Именно эти годы и описываются в представленном, на суд читателей, романе. Заканчивается роман бесславной и предательской продажей большинства авианосных кораблей.

Дело «Зорро»

Из открытых окон и дверей ресторана «Парус», на вечерние улицы Севастополя, выплескивало разудалое веселье, в виде всем известной одесской мелодии, называемой «семь-сорок».

Утомленные дневной жарой жители близлежащих домов, укрываясь в спасительной вечерней тени балконов, с интересом наблюдали за происходящим на пяточке у ресторана, куда выходили покурить, поговорить или выяснить отношения, слегка подвыпившие посетители ресторана.

В стороне, молчаливо и независимо, стояли патрульные курсанты, наблюдая как их начальник, что-то горячо объясняет двум вспотевшим флотским офицерам и слегка подвыпившей девушке с красивыми, загорелыми и стройными ногами, вышедшими покурить, или отдохнуть от изнурительных танцев.

Севастополь – город флота, город для флота и каждый проживающий на так называемых «Остряках», названных в честь командующего авиацией Черноморского флота в годы войны генерала Острякова, в той или иной мере имел или имеет отношение к Черноморскому флоту, служил на флоте или находится на заслуженной пенсии после нелегкой корабельной службы.

Поэтому, происходящее в ресторане, было интересно и волнующе знакомо, всем наблюдающим.

Семейные парочки, на балконах, осуждающе смотрят вниз, на вышедших из ресторана офицеров и их дам проветриться, после разудалых танцев.

В зале ресторана, запах табака смешивается с запахом женских духов от простеньких «Быть может» до изысканных «Желаю счастья» или «Красной Москвы». Можно было различить запахи мужских одеколонов «Шипр», «Консул или более строгих «Командор».

Запах пота распространялся по залу от весело отплясывающих на пяточке у оркестра. Опять гремел разудалый одесский танец «семь-сорок». В веселом и строгом ритме танца смешалась строгая черная форма офицеров, отдающая золотом погон, пуговиц и нашивок, с открытыми декольтированными платьями, коротенькими юбочками их веселых и сверкающих молодостью партнерш.

Заложив большие пальцы за лацканы, предполагаемой тужурки, высоко выбрасывая ноги вверх, под одобрительные возгласы как танцующих, так и сидящих в зале. В центре танцплощадки лихо отплясывал сам с собой невысокий круглолицый, и с небольшими остатками былой шевелюры, зачесанной от левого уха до правого инженер-капитан третьего ранга в слегка помятой желтой рубашке и сбившимся на бок галстук, с «инженерными молоточками» на погонах.

– Давай Николай Иванович! Жги! – неслись крики со столика расположенного неподалеку, за которым сидели офицеры с инженерными молоточками на погонах.

Под аплодисменты офицеров и одобрительное повизгивание их партнерш, солист откалывал такие коленца, что даже выдавшие виды музыканты, молча переглядывались между собой, и покачивали головами.

Зачесанный через всю голову остаток волос взлетал вверх как оселедец бравого запорожца, а спускающиеся вниз концы шикарных усов довершали это заметное сходство.

С шумом открывались бутылки «Муската Игристого» и поднимались вверх хрустальные бокалы и рюмки кристально чистой водки.

– За тех, кто в море! За знакомство и любовь. За прелестных дам – неслись с разных столиков тосты.

Временами, будто пробуждаясь ото сна, солист оркестра объявлял, что танец исполняется для офицеров с «Красного Крыма», «Сдержанного», Николаева» или крейсера «Москва» или просто для какой-то Надежды с Воронцовой горы.

Зал жил своей, непонятной со стороны жизнью, но большинство обитателей чувствовали себя как рыбы в воде, заранее зная, по каким правилам, надо играть в этой непонятной со стороны игре.

Периодически в зал заходили новые офицеры и радостно приветствуемые своими друзьями и девушками, подсаживались на дополнительные стулья, приносимые из темноты подсобных помещений слегка меланхоличной, но радушно относящейся к флотским офицерам, молодой и симпатичной официанткой Зиной, весело встречавшей всех одной фразой:

– Ну, вот и вы. Мы вас давно уже ждем.

Кто-то тихо пояснял девушкам:

– Это с «Красного Кавказа» ребята подошли, а это с «Бреста», а это механики с «Беззаветного».

Многие офицеры уже сидели за принесенными откуда-то из недр служебными столиками, но еще зал продолжал наполняться.

Официантка Зина знала, от девушек занимавших в ресторане заранее столики, что завтра двадцать первая бригада кораблей уйдет на стрельбы в Феодосию и сопровождать авианосец «Брест» заодно обеспечивать полеты самолетов, и в течение недели ресторан будет практически пуст.

Об уходе тех или иных кораблей, даже на выполнение боевых задач в море, женщины в Севастополе, узнавали почему-то всегда раньше самих моряков. Это служило в городе причиной для многих шуток. Офицеры весьма удивлялись, когда им их жены или просто любимые рассказывали, когда и на сколько и куда, они уходят в море.

Периодически в зал из служебного помещения заходила высокая женщина с большим пуком волос на голове и спрашивала у старшего администратора Маши:

– Ну как у нас здесь Марья Ивановна?

На что Маша неизменно отвечала:

– Все в полном порядке Ирина Николаевна. Сегодня план будет. С «Бреста» еще пришли ребята.

Офицеры флота – хорошие клиенты, денег не жалеют, и расплачиваются исправно и всегда больше, чем им выставляют счет. Некоторые, особо приближенные и лично знакомые, правда иногда, в самые трудные времена, отдыхали в ресторане, с разрешения директора Ирины Николаевны в долг. Она хорошо знала почти всех офицеров, которые приходили поужинать в ее ресторан, и даже знала, что можно от кого ожидать.

– На этот столик больше водки не давать – шептала они официанткам Зиночке или Милочке.

К директору офицеры флота, относились с любовью, и каждое появление директора встречали с неизменным:

– Николаевна приглашаем к нам за столик. Отдохните от трудов праведных с нами.

А упоминавшийся выше инженер-капитан третьего ранга, так похожий на запорожца, неизменно подходил и целовал аккуратно наманикюренные и ухоженные белые ручки директора ресторана, под бурные аплодисменты, присутствующих, и всегда с дежурным фужером муската игристого в руках.

Мускат игристый был любимым напитком офицеров в Севастополе того времени.

Все знали, что Ирина Николаевна на работе пить не будет, но тем не менее, отработанный ритуал исполняли каждый раз исправно.

В центре зала за квадратным столиком сидел невысокий черноволосый молодой человек в рубашке в клеточку и темно синим галстуком в очках с тремя красивыми девушками. Гражданский человек в зале, где большинство были офицерами флота, казался инородным телом, и все как бы сторонились его. Даже девушки, пришедшие с ним в ресторан, больше заглядывались на молодых и симпатичных флотских офицеров.

Сидевшие за соседним столиком офицеры с авианосца «Брест», обратили свое внимание на вышеуказанных девушек.

Офицеры с «Бреста» отличались от других офицеров наличием на груди тужурок, так называемых авианосных «крылышек». Было видно, что они ждали еще кого-то, и периодически поглядывали то на часы, то на двери ресторана.

– Скоро наш бечепятый придет? Так весь вечер пройдет. Не надо было обещать – говорил темноволосому капитан-лейтенанту, с черными глазами и тонким лицом кавказца, посмотрев в очередной раз на часы, худощавый, с легко кучерявыми темными волосами, старший лейтенант, начальник химической службы «Бреста» Сергей Огнинский.

Они о чем-то пошептались, подняли бокалы, наполненные «мускатом игристым», чокнулись.

Выпив Сергей Огнинский, повернулся в сторону столика, за которым сидели, упоминавшиеся ранее, девушки. Он поднял свой фужер. Его глаза и выражения лица, как бы говорили:

– Мы пьем за Вас! За вашу молодость и красоту!

Наконец, старший лейтенант, видимо принял решение, допил свой бокал, поставил его на стол.

Встал, посмотрел вокруг, одернул тужурку. Рукой поправил волосы, и тяжело вздохнув, решительно направился к заинтересовавшему офицеров столику.

Он подошел твердым шагом, смущенно прокашлял, стоя за спиной стула единственного за столиком мужчины, сделал поклон головой, как это умели делать представляясь, только офицеры царского флота.

А затем, немного заикаясь, спросил у мужского представителя столика разрешения потанцевать с одной из его соседок. Взгляд его остановился на красивой светловолосой девушке с короткой прической, одетой в светлое облегающее платье, подчеркивавшее ее идеальную фигуру и тонкую талию.

Молодой человек за столиком, страшно смутился, снял очки, затем снова надел, достал носовой платок, вытер лоб, и наклонив голову, кивнул ей, как бы разрешая. Видно было, как трудно далось ему, это решение.

И тогда резко подхватив приглашенную, и по виду согласную партнершу под локоть, старший лейтенант, блеснув золотыми шевронами тужурки и идеально отглаженными стрелками брюк, как бы вырывал приглашенную девушку из объятий скучного столика. И повел ее через весь зал навстречу, тесным и жарким объятиям, забитой уже полностью танцующими парами, танцевальной площадки в центре зала.

Парень, в гражданской или партикулярной форме одежды, как любил говорить командир «Бреста» капитан 1 ранга Гиоев, сел и стал что-то горячо говорить оставшимся партнершам, но те уже лукаво поглядывали на разгоряченных теплым вечером и шампанским капитан-лейтенантов, сидевшими за «брестским столиком».

Их взгляды как бы говорили:

– Вот мы. Мы согласны потанцевать. Приглашайте нас. Что же вы сидите?

Аккуратно касаясь завитка волос, у ушка своей партнерши, старший лейтенант Огнинский, в танце, наслаждаясь запахом весьма хороших духов, тихонько представился:

– Сергей Огнинский, начальник химической службы с авианосца «Брест». Позвольте узнать ваше имя, а заодно узнать с кем это вы сегодня пришли в ресторан отужинать? С мужем или братом?

Девушка со смущением ответила:

– Меня зовут Зоя. Этот молодой человек, сотрудник, с нашей работы. Мы все работаем в институте «Коррозии металлов». Он кандидат технических наук, доцент и руководитель нашей лаборатории. Сегодня он пригласил нас в ресторан, в честь своего дня рождения.

– А знаю, мы когда выходим в море, всегда видим на южном берегу здание вашего института на Хрустальной горе. Мы называем его «Институтом ржавчины» Вот никогда не думал, что когда-нибудь познакомлюсь с обитателями этого загадочного для нас учреждения.

– Наверно с точки зрения неспециалистов, это правильно – улыбнувшись, ответила Зоя – не буду утомлять вас подробностями нашей работы, но могу сказать, что из окна нашей лаборатории, тоже хорошо видны, уходящие в море корабли. А у многих наших сотрудниц во флоте служат близкие люди. Теперь, когда я увижу ваш «Брест», выходящий в море, я буду вспоминать о вас Сергей. Кстати мы часто видим ваш корабль, а недавно видели даже, как с него в море упал самолет. Он перевернулся, в воздухе и разбился прямо у борта. Ужас. Летчик остался жив?

Сергей смутился:

– Действительно был такой случай. Летчик, к нашему сожалению погиб.

Поняв, что разговор о службе лучше не продолжать, Сергей, перешел в атаку и задал прямой, как выстрел крейсера «Аврора» вопрос:

– А как зовут этого хм ... кандидата наук и девушек, которые составляют вашу компанию?

Зоя кокетливо улыбнулась:

– А зачем это вам? Вы его тоже хотите пригласить на танец?

– Нет, конечно – смутился Сергей – это просто так спросил для разговора, а то мы все о нашем корабле, да о корабле. А нам об этом не рекомендуют говорить в городе.

Зоя улыбнулась и ответила:

– Тогда почему наш начальник лаборатории, заинтересовал больше нас?

Она кокетливо улыбнулась, а Сергей густо покраснел.

– Или все же вас больше интересуют мои подруги?

Сергей покраснел, но решил настоять на своем:

– Мы думаем, и даже надеемся, что нам удастся продолжить с Вами приятное знакомство. Уже скоро ресторан закрывается, а мы предлагаем вашей компании прогуляться вместе с нами на Приморский бульвар. Мы будем даже не против, если ваш руководитель, и начальник лаборатории, пойдет вместе с нами.

– Что ж Сергей ваше предложение, не отдаст новизной, но интересно нам, по сути. Мы действительно обратили внимание на симпатичных мальчиков с вашего стола.

– А как зовут ваших подружек?

– А зачем вам это. Я уже начинаю ревновать – улыбнулась Зоя – подружку пониже ростом в салатовой кофточке и юбке с цветами зовут Анечка, а девушку с пышными волосами в бордовом платье зовут Надя, ну а нашего начальника, если все же он вас интересуется, зовут Николай Иванович – ответила Зоя.

– А ваших мальчиков, как зовут?

– Черненький с усиками – это Мансур. Он родом из Дагестана. А высокий и светлый Кузьма.

– Когда они сидят их рост, к нашему сожалению, не виден – смутила опять Сергея Зоя.

Танец заканчивался, и Зоя сделала красиво па в танце, и отклоняясь немного назад, показала красивые ножки. Сергей красиво поддержал ее за талию.

Это заметили, и сидевшие за ближайшими столиками офицеры и дружно зааплодировали.

Зоя обратила внимание, как из-за столика Сергея им аплодируют, оставшиеся в одиночестве капитан-лейтенанты.

Тогда Сергей как бы обвел партнершу вокруг себя, под рукой и с последними звуками мелодии принял стойку смирно, и поклонился ей.

Концовка танца была настолько впечатляющей, а пара красивой, что все танцевавшие вокруг зааплодировали им. Сергей поклонился всем, и взяв аккуратно партнершу под руку, повел к ее столику.

– Зоенька, милая. Еще один танец, пожалуйста, вы танцуете, как богиня. С вами очень приятно танцевать – шепнул Сергей ей на ухо, подводя к столику.

– Посмотрим на Ваше поведение – лукаво улыбнулась Зоя, и как бы невзначай тихонько пожала ему руку.

Сергей же притянул ее руку к своему рту, и аккуратно поцеловал.

Вокруг опять обратили на них свое внимание, и дружно зааплодировали. Аплодировали и Кузьма с Мансуром.

Зоя поклонилась Сергею, и расправив платье, аккуратно села на свой стул, который ей так же вежливо подставил Сергей.

Сергей тоже улыбнулся, почесал нос, и картинно поклонился Зое наклонив голову вниз. А затем поблагодарил вежливо и хозяина столика. Николая Ивановича:

– Большое спасибо за предоставленное разрешение на танец с вашей соседкой. Не только потанцевал, но и получил большое удовольствие – и блеснув золотом нарукавных нашивок, направился к своему столику.

– Ну, что как они согласны с нами погулять? Как их зовут? – встретил Сергея вопросами, ранее упоминавшийся кавказец.

Сергей налил себе шампанского, немного отпил, откинулся назад на стуле, и выждав небольшую паузу, повернул голову, поглядывая на свою бывшую партнершу, как бы нехотя ответил:

– Девушки хорошие, работают в «Институте ржавчины». Ту, что пониже зовут Анечка, с шикарными каштановыми волосами зовут Надя, третью – замете мою, зовут Зоя. Их партнера по столику, у него кстати день рождения, зовут Николай Иванович – он их начальник лаборатории.

– Серега ты должен обязательно узнать, где они живут, можно ли их проводить? А они живут одни – мы можем продолжить наше знакомство – сказал капитан-лейтенант, с лицом кавказского типа и улыбнулся в свои тоненькие усики.

– Тебе Мансур еще постель постелить надо, и всех вас уложить туда – усмехнулся Сергей – пригласи Надежду на танец, и все станет понятно. А то все Сергей, да Сергей.

Смугловатый капитан-лейтенант, которого друзья называли Мансуром, смутился:

– Просто ты Сергей, по женскому полу непревзойденный мастер, и танцуешь, так что любо дорого посмотреть. И потом почему Надежду, может мне Анечка больше понравилась. А Надежда понравилась Кузьме. Правда, Кузьма?

Светловолосый с широкими плечами капитан-лейтенант, названный Кузьмой, загадочно улыбнулся, но ничего не ответил.

Снова заиграла залихватская одесская музыка, и упомянутый выше инженер-капитан 3 ранга, похожий на легендарного запорожца, пошел под аплодисменты офицеров и их партнерш большинства столиков и внезапно пригласил на танец Зою. Зоя встала, посмотрела внимательно на Сергея, и пошла танцевать. Вслед за капитаном 3 ранга, оставшихся девушек пригласили на танец офицеры, сидевшие за столиком вместе с «запорожцем».

Сергей нахмурился. Через минуту наши друзья, могли воочию лицезреть, как лихо все они отплясывают легендарные «семь-сорок».

– Вот Сергей, пока ты болтал, эти «маслопупы» со «Жданова», уводят наших девушек, прямо из наших рук – забеспокоился Мансур – надо что-то делать? Все пропало! Все планы рушатся, а завтра снова надо в море.

– А у тебя Мансур уже есть планы, по отношению к этим девушкам? Быстр, ты однако, сразу видно, что с Кавказа. Приглашать на танцы надо, а не сидеть как сычи за бутылкой «игристого». Тогда никто ничего не уведет. Мы пить сюда, что ли пришли или веселиться, и знакомиться? Еще девушки решат, что мы алкоголики. А завтра море и прощай Севастополь.

– Ладно, следующий танец дружно встаем и всех приглашаем. Правда, Кузьма?

Молчавший до этого молчаливый Кузьма кивнул головой, и вроде согласился.

С трудом дождавшись окончания танца, троица друзей сидела, в готовности пригласить на танец дам, но в этот момент оркестр объявил перерыв.

– Ну, вот только настроился, а тут все сорвали – с досадой горячо говорил Мансур, заказывая у официантки еще одну бутылку «мuskата игристого» – нет, вы посмотрите, как эти «маслопупы» в упор разглядывают уже наших почти девушек.

Даже издалека было видно, как столик «ждановцев» практически развернулся в сторону столика девушек. Было хорошо видно, как «запорожец» заказал, что-то заказал официантке, и показал на столик девушек. Через некоторое время официантка поставила на столик девушкам бутылку «мuskата игристого», показав им в сторону улыбавшегося и прикладывающего к сердцу руку лысеющего «ухажера».

– Нет, я вынести этого не могу. Уведут, если ничего не делать. Так мы потеряем все. Ждите команду – проговорил Сергей, и взяв в одну руку бутылку «мuskата», заказанную Мансуром, а в другую руку свой стул направился за столик к девушкам.

Он подошел к их столику, поставил сбоку свой стул.

Мансур и Кузьма смотрели на него во все глаза.

Сергей что-то горячо и убедительно рассказывал, то прикладывал руку к сердцу, то показывал на столик своих приятелей.

Затем внезапно девушки раздвинулись, и Сергей уселся за стол прямо напротив Николая Ивановича, между Зоей и Надеждой.

Он, что-то горячо всем рассказывал. Все дружно смеялись. Он переводил взгляд с одной девушки на другую. Потом открыл бутылку мuskата, и разлил ее в бокалы девушек и Николая Ивановича.

Девушки внимательно его слушали, улыбались, а иногда дружно смеялись. По всему чувствовалось, что он уже является душой их застолья.

Внезапно, за «брестский» столик, к наблюдавшим за Сергеем капитан-лейтенантам, на стул Сергея уселся, чем-то недовольный давешний «запорожец». Он внимательно посмотрел, на сидящих и повернувшихся к нему офицеров, бесцеремонно потрогал на тужурке Мансура авианосный знак:

– Шо це за птица, така, чи кура, чи петух, чи еще шо? – он поморщился и продолжил – вы хлопцы тут не мисцевы – вам йити в дальюкие краи, там своих девчат богато. А мы мисцевы и не треба вам на наших девчат дивитися. Прийдите на Дальний Схид – там вси королевны ваши, мы на них не претендуемо. А тут наши королевны и поважайте нас. Забэрите своего хлопца с того столика и уходите звидсея, як шо не хотите неприятностей. Ви мене зрозумили? А то ми ваших «пивней», общиплем.

Мансур побелел от этой, как он считал наглости, и хотел резко ответить. Но Кузьма, положил ему руку на колено, и не менее резко остановил его:

– Слушай меня внимательно, мех. Мы здесь не залетные – мы офицеры Советского флота.

Девушки не твои, а ничьи. С кем захотят девушки пойти, с тем и пойдут. И мы к их выбору отнесемся с уважением, и примем его. Так же мы с уважением, относимся к твоему возрасту и погонам, пока ты с уважением относишься к нам, но если ты только не дай Господь попробуешь качать права, то также можешь получить только неприятности.

Лицо Кузьмы стало жестким. Капитан 3 ранга тоже сделал свое лицо жестким, казалось, что через секунду, они схлестнутся прямо за столом.

Спиртное сделало с инженер-капитаном 3 ранга свое дело.

Как бы из ниоткуда к их столику подошел невысокий стройный и тоже инженер-механик, тоже капитан 2 ранга и с авианосным знаком на тужурке, видимо только, что пришедший в ресторан. Он обратился к «запорожцу»:

– Николай Иванович, ты чего бузишь, и пристаешь к моим ребятам? Давай иди за свой столик. Отдыхай и не мешай другим.

Тот уже убивавший взглядом Кузьму, обернулся к новому участнику событий, и лицо его сразу смягчилось:

– Володя, Святоша, дорогой Ты шо на цем «крокодили» служишь? – он потрогал авианосные «крылышки», на тужурке командира БЧ-5 «Бреста» Пономарева Владимира Ивановича – от, не чекав. Як ты потравлив туди? Ми ни разу пился выпуску не зустричались с тобою. Ты на пивночи, ми на пивдни. Пидемо зи мною и по 100 грам. Пидемо до нашего миханичного столику. Дознаешься там Михайлов Игорь, Славик Петровский. Ти повинен знати его он на рик пился нас закончив нашу механичну бурсу имени Феликса Держинского.

Он встал, похлопал Мансура по плечу, как бы извиняясь, нетвердой походкой направился к своему столику.

Механик, которого называли Святошей, взял со столика «брестцев» конфету из вазочки и усмехнувшись тихо сказал Мансуру и Кузьме:

– Вы уж ребята сегодня без меня сегодня, как-нибудь. Однокашник все же! С выпуска, не встречались с Богдашей Филимоненко. Перебрал он сегодня. Надо посмотреть как бы чего не случилось.

Он улыбнулся, пожал руку Мансуру, и направился к столику механиков со «Жданова», которые его уже ждали и горячо приветствовали.

– Молодец наш мех просек ситуацию, а то пришлось бы положить этого наглеца прямо здесь отдыхать, а при патрулях и милиции этого совсем не хотелось бы – сказал негромко Кузьма Мансуру.

Вечер уже заканчивался, оркестр уже третий раз объявлял, что играют последний танец, а швейцар дядя Вася, бывший боцман с крейсера «Куйбышев», даже дважды гасил свет, как бы говоря, что пора и честь знать.

Офицеры узнавали у своих партнерш, можно ли их проводить до дома, где и с кем живут, большинство заказывали по несколько бутылок муската игристого с собой. Кто-то радостно шептал друзьям:

– Идем! Все нормально, разрешили проводить!

Конечно, продолжение отдыха в гостеприимной квартире гораздо лучше, чем сон в каюте, под звуки шумов корабельных механизмов и команд дежурного по кораблю.

К друзьям вернулся Сергей:

– Расплатились? Тогда быстро на выход, девушки уже пошли. Шампанское взяли с собой? Идем гулять на Примбуль.

– Серега, ты же знаешь, что все конечно уже взяли и расплатились естественно. Нам лишнего приглашения и инструктажа ни от кого не надо – сказал в полголоса Мансур.

– Тогда отступаем вслед за ними быстро, быстро, пока эти механикусы не пристроились к нам – Сергей посмотрел в сторону «механического» стола, где еще шло веселье и поднимались тосты.

Офицеры встали, и быстро направились на выход.

Кузьма на выходе, быстро сунул дяде Васе, в карман ливреи, пять рублей:

– Здравствуй дядя Вася, держи, и не скучай! Мое почтение Анастасии Петровне.

Он улыбнулся швейцару.

– Кузьма, милый, никак ты? А мне говорили, что ты на Дальнем Востоке служишь давно. А ты на «Бресте»? – он потрогал рукой, шитый авианосный знак, на тужурке.

– Самая интересная служба – на авианосцах, дядя Вася.

– Как только, ты закончил училище, и уехал из Севастополя, сразу опять начались драки, грабежи. И бардак наступил, банды великовозрастных молокососов нападают на одиноких и подвыпивших офицеров и мичманов, на женщин, насилуют девчонок. В твоё время такого не было – уважали мундир и эполеты, боялись силу. А сейчас какие-то «черные колготки» объявились. Ужас на весь город наводят. Надевают, бабские чулки на головы. Лица скрывают, милиция с ног сбилась. Ничего не могут сделать.

– Посмотрим дядя Вася на этих любителей бабских чулков. Здесь они давно объявлялись?

– Да они месяц назад ограбили и искалечили старого мичмана. А говорят про них много в городе. Но поймать не могут.

Надо сказать, что Кузьма, закончил ЧВВМУ имени Нахимова, 6 лет назад. В училище, он активно занимался спортом, уделяя особое внимание восточным единоборствам, к которым у него было пристрастие с детства.

У него подобралась группа единомышленников, и Кузьма мог все свое свободное время отдавать любимому увлечению. Собирались «восточные единоборцы», или как они себя тогда называли «каратисты» на берегу Стрелецкой бухты в районе пляжа, и до измождения стучали по различным доскам, мячикам, матам – отрабатывая различные удары ногами и руками.

Кузьма ставил себе невыполнимые задачи – выстоять в бою против двух, или даже трех хорошо подготовленных соперников. И надо сказать, что это у него получалось. Не все его друзья, могли похвастать такими успехами. Но старались все отменно. Кузьма принимал любого, кто пожелал бы заниматься этим видом спорта. С кафедры ФИЗО приходил, посмотрел на их занятия специалист в области бокса и борьбы самбо подполковник Нечипоренко:

– Толку не будет от них никакого. Какой-то гибрид, сами придумали. Нет, что бы заниматься тем, что необходимо родному училищу?

Несколько раз с Кузьмой разговаривал начальник кафедры ФИЗО полковник Николаенко, убеждал заняться или боксом или борьбой, но в рамках правил. Кузьма улыбался, обещал подумать, но занимался тем, что ему было интересно.

В тайне, от всех своих соратников и руководства училища Кузьма усугублял занятия «боевой тренировкой», как он называл сам.

В увольнении он переодевался в темный спортивный костюм и шел близлежащим ресторанам или танцплощадкам, где всегда возникали стычки между молодежью и даже драки. Там он мог оценить свое искусство и умение в непосредственных боях с несколькими соперниками, причем без пощады и упрощений.

Он совершенствовал свои навыки, вступаясь всегда, за слабых. За тех, на кого нападали, за тех, кого пытались ограбить или обидеть. Особенно жестко он обходился с любителями насилия, нападавшими на женщин и тех, кто использовали в драке кастеты и ножи. Здесь он дрался в полную силу, и нередко ломал соперникам руки.

По результатам этих драк в севавтопольской милиции было заведено несколько уголовных дел, которое вел, тогда лейтенант уголовного розыска Мاستрюков.

Дело было названо делом «Зорро», но поймать Кузьму не могли. Он внезапно появлялся, и также внезапно исчезал. Участковые сбивались с ног, разыскивая светловолосого парня лет 17-18 (а надо сказать, что в училище Кузьма выглядел очень молодо и бриться начал, только на пятом курсе), в темном спортивном костюме, способном выстоять в драке против трех – четырех сильных соперников, и жестко победить.

– Нашу работу парень делает. Сам и судья и прокурор – отвечал Мастрюков руководству, которое требовало срочной поимки «народного мстителя» – жалко будет сажать, тем более за что? За этих уродов и отщепенцев, бандитов и насильников?

В тайне, он даже радовался, что не может поймать, хотя руководство и ругало его за низкие показатели по этому вопросу.

Кузьма ни разу не попался в руки милиции, что говорило о его хорошем чутье и подготовке, зато многие хулиганы, бандиты и насильники были вынуждены на длительное время бросить свое «мастерство» и залечивать раны.

Однажды у ресторана «Херсонес» к пожилому подвыпившему боцману, отслужившему свой срок, и обучавшему теперь молодых боцманят на учебном крейсере «Слава», дяде Васе или, если официально, то Василию Адамовичу Вербицкому, пристали три хулигана.

На их горе, как раз в этом месте, и именно в это же время, совершенствовал свое мастерство рукопашного боя курсант пятого курса Кузьма Гусаченко. Хулиганы только успели сбить дядю Васю с ног, как появился Кузьма. Не выясняя обстановки, он сильными ударами ног сбил с ног, сразу двоих хулиганов, и обратил в бегство третьего. А когда один, из уже уложенных, достал нож, и попытался его использовать, то Кузьма просто сломал ему руку. Второго пришедшего в себя, он отряхнул, и отправил вызывать скорую помощь для потерпевшего.

Подняв и отряхнув дядю Васю, Кузьма отвел его в маленький домик в Стрелецкой бухте, где и проживал отставной боцман. Дядя Вася пригласил его к себе домой, где их встретила радостно его жена Анастасия Петровна:

– Как на нашего Николеньку похож, ну просто вылитый Николенька – всплакнула она.

– Цыть полomoшная. Только ему я сегодня жизнью обязан, а то налетели три вурдалака, пришлось бы там жизнь и кончать наверно, коли б не он. Корми нас ужином и бутылку ставь на стол. Имя то, какое красивое, истинно русское Кузьма – со значение произнес дядя Вася.

– Не, не пью я дядя Вася. Извините, а вот перекусить можно, а то нас не кормят домашним в системе – сказал Кузьма, с уважением старому мичману оглядывая окружающий его интерьер.

На стене висели множество фотографий, на одних молодой дядя Вася улыбался на борту различных кораблей. То с эсминца «Незаможник», то с эсминца «Лихого». Черный чуб све-

шивался из под небольшой мичманки, а вот он с Анастасией Петровной сфотографирован у своего дома, вот они с взрослым парнем, видимо провожают в армию. А на этой, они где-то в Ялте на пляже. А вот висит в черной рамке фотография парня в бескозырке с надписью «Новороссийск».

– Сын, Колька, – пояснил дядя Вася, и смахнул слезу с глаз – погиб на «Новороссийске» в 1956 году. Даже могилки нет. Всех кучей зарыли, и имена даже не написали. Мы каждый год ходим, убираем, и фотографию с его фамилией ставим. Угробили, корабль, а парней ответственными сделали. Он же в БЧ-5 служил и поэтому по тревоге внизу был, так и остался.

Так они и познакомились, и теперь в ресторане дядя Вася был рад увидеть возмужавшего Кузьму. Не раз он заходил к ним в гости, в курсантской форме. И каждый раз Анастасия Петровна украдкой плакала, глядя на Кузьму.

– Заставим этих вурдулаков уважать порядок и людей, дядя Вася – похлопал по плечу швейцара Кузьма.

– К нам хоть с Петровной хоть заскочишь сегодня? Она ждет тебя. Мы ведь к тебе, как к сыну – дрогнул голос старого боцмана.

– Обязательно заскочу дядя Вася, но наверно не сегодня. Я только погляжу, что здесь и как.

Надо же разобраться с этими «черными колготами» – и надев фуражку, Кузьма выскочил на улицу, вслед за ребятами и девушками.

Дядя Вася украдкой перекрестил Кузьму.

Уже стемнело, и холод потихоньку опускался на улицы южного города. Кавалеры укутывали плечи своих девушек, снятыми тужурками.

Перед рестораном столпились посетители, и собравшись в небольшие компании, что-то обсуждали между собой. В стороне стоял патруль. Старший лейтенант смущенно что-то горячо говорил капитан-лейтенанту, видимо немного перебравшему. Патрульные курсанты смущенно отворачивались в сторону, от офицеров, и во всю глазели, на выходящих из ресторана женщин. Судя по ленточкам, они были из училища, называемого в городе «Голландией». Училище называлось высшим военно-морским инженерным училищем по месту размещения оно в бухте, называемой Голландией. Естественно молодых курсантиков больше всего интересовали девушки, чем подвыпившие офицеры.

Сергей Огнинский, подхватив под руки Зою и Надежду, повел через дорогу к остановке троллейбуса. За ним взяв Анечку, с двух сторон под руки, побежали к остановке Николай и Мансур, что-то оживленно обсуждавшие между собой.

И лишь Кузьма Гусаченко зачем-то задержался на площадке перед рестораном.

– Кузьма догоняй нас, а то троллейбус уже идет – крикнул, обернувшись с остановки Сергей.

– Серега вы езжайте на Примбуль, я вас догоню на следующем троллейбусе и обязательно найду.

– Вот он всегда так, как видит девушек, так стеснение пересиливает желание. Главное шампанское у нас или осталось у него?

– У нас, – показал полиэтиленовый пакет Мансур, садясь, за пропущенными им вперед, и поддержанными за руку Анечкой и Надей.

Кузьма отошел в тень дерева, и молча, наблюдал за тем, что происходило перед рестораном.

Он не ожидал, что ему удастся сегодня встретить этих черных колготок. Ресторанов в городе было много и не факт, что они решаться напасть на кого-либо здесь именно сегодня.

Офицеры и их партнерши парами быстро расходились в разные стороны. Большинство шло на остановку троллейбуса. Кое-кто переходил на другую сторону дороги, в располагавшийся на другой стороне дороги жилой район и называвшийся севастопольцами «Остряки»,

по названию улицы в честь знаменитого генерала Острякова. Кто-то садился в услужливо раскрываемые двери такси.

«Запорожец» вместе с командиром БЧ-5 с «Бреста» Пономаревым Владимиром Ивановичем галантно раскланивался, с вышедшей их проводить «хозяйкой» ресторана Ириной Николаевной.

– Ирина Николаевна – вы гений дивной красоты, когда вы позволите Вас проводить?

Довольная вниманием старших офицеров Ирина Николаевна кокетничала с ними, под завистливые взгляды официантки Зиночки, вышедшей подышать свежим воздухом:

– А что скажут ваши жены товарищи офицеры, если увидят, что вы провожаете незамужнюю женщину?

Ирина Николаевна рассмеялась, однако увидев, наблюдавшею за ней Зиночку сухо попрощалась с офицерами:

– Извините, дела!

Николай Иванович взял под руку командира БЧ-5 «Бреста» и повел к своему дому на улицу Генерала Коломийца:

– Пойдем, Володя посидим у меня, заодно и расскажешь, как ты попал на этот «крокодил». И как тебя угораздило? Познакомишься с моим семейством.

Они перешли дорогу и о чем-то оживлено беседуя, направились вглубь дворов.

Ирина Николаевна, посмотрев им вслед, подошла к стоявшей у дверей Зиночке:

– А ты Зина, что здесь делаешь? Твое место в зале, а то придется опять до двух ночи с вами сидеть. Цирк закрылся, клоуны уехали. Нечего здесь рассматривать.

Площадка перед рестораном опустела. Видимо, наконец, видимо посчитав миссию выполненной, начальник патруля отпустил подвыпившего капитан-лейтенанта, и тот нетвердой походкой перешел на другую сторону дороги и направился в тот же жилой массив, вслед за «запорожцем» с товарищем. За ними немного вдалеке метнулись через дорогу несколько темных теней.

Кузьма, увидев это, хищно улыбнулся, и тоже скользнул тенью через дорогу.

Зиночка зашла в ресторан и хотела направиться в зал убирать со столов. К ней подошел швейцар дядя Вася:

– Ну что стрекоза, посмотрела на офицеров. Приглядела, себе кого?

Зиночка вздохнула, и взмахнув рукой смахнула слезинку с глаз:

– Вам бы все шутить дядя Вася, а у меня молодость вся прошла, мне уже 21, а жениха до сих пор нет.

– Ты, умница Зиночка и тебе обязательно повезет. Вот если бы ты с Кузьмой познакоми-лась? – задумался дядя Вася.

– С каким Кузьмой? Дядя Вася а ну все рассказывай! – она встала напротив и внимательно посмотрела в глаза швейцару.

– Да был тут один бывший курсантик со Стрелки, наводил страх на местных бандитов раньше, а сегодня смотрю уже капитан-лейтенант с «Бреста». Нам он с Петровной, как сын был. Да ты видела наверно у них у всех такие птицы с якорями на груди.

– Видела, я несколько таких, с «птицами» на груди – они сидели, в центре зала у Ирочки.

Глазели, на накрашенных девчонок с Института «ржавчины», я одну знаю, Зоя зовут. Один светленький такой симпатичный, а второй черненький – наверно кавказец и третий тоже симпатичный черненький. Они же на Дальний восток уходят.

– А я что говорю тебе. Перспективные женихи. Ты что же красавица на восток за любимым человеком не поедешь?

– За любимым поеду, хоть на край света! Только понравлюсь ли я ему? Да и потом они же все почти женатые уже и с детьми.

– Да уж говорят? Говорят, что вороны воробьев родят. А то говорят из-за этого половина офицеров с «Бреста» уже развелась. Их изнеженные ленинградки и москвички, отказались ехать за мужьями за кудыкину гору. Там же льгот никаких. И сейчас они в основном холостые, не то, что наши севастопольские. Ладно стрекоза. Иди свои столы убирай, а то до утра опять останешься. И мне с тобой сидеть тут – и дядя Вася пошел закрывать двери ресторана.

– Дядя Вася, а он женат, как его зовут? Забыла, такое вроде интересное имя – спросила вслед дяде Васе Зиночка.

– Зовут его Кузьмой. А женат, или нет – то мне неизвестно. Вот в гости придет, как обещал – так сразу и спрошу – ответил дядя Вася, закрывая двери.

Дрын, Бурун, Френк, Фикса, Крап и Малыш – фигуранты уголовного дела майора Мастрюкова, и более известные в городе и в уголовных сводках, как «черные колготки» в темной подворотне между двумя домами, поджидали загулявшего офицера.

Они, уже в течение года, поздними вечерами грабили припозднившихся пьяных, после ресторанов офицеров; но особенно, им нравилось грабить девушек, женщин, стариков – всех тех, кто не мог оказать сопротивление. Им было приятно ощущать себя сильными, смелыми, и самое главное безнаказанными. Они бравировали этим друг перед другом и другими одногодками. Им нравилось видеть, как их боится загнанный в угол человек, отдает деньги и золото, унижается и еще благодарит, за то, что остался жив или не избит.

Если кто-то пытался сопротивляться, а это были в основном офицеры, то били крепко, пользуясь численным преимуществом и спецсредствами виде дубинок.

Несколько раз они насиловали, загнанных в угол девчонок, и это тоже доставляло им удовольствие. У каждого были свинчатки, кастеты, короткие дубинки и поэтому, пытавшийся сопротивляться, отделялся за свое «ошибку» минимум госпиталем.

Шестнадцати – семнадцатилетние парни, не знавшие, куда девать силушку и как говорят, из хороших семей, нашли выход своей энергии, в этом криминальном, но все таки, доходном способе заработка.

Милиция сбилась с ног, разыскивая их. Майор Мастрюков землю рыл, что бы задержать или хотя бы получить приметы разыскиваемых. Но найти их было практически невозможно – припадении они каждый раз для скрытности надевали на головы женские колготки.

Дело то опасное – Севастополь город маленький. Могут и узнать, если не «предохранятся».

Жили они на Воронцовке, а выезжали на «промысел» в другие районы города, подальше от своих домов.

Предварительно осматривали место нападения, изучали возможные отходы, проигрывали роли, изучали пути отхода, на всякий случай, и даже проводили тренировки. Все было, по взрослому, и очень интересно. Участковые и опера уголовного розыска сбились с ног, но поймать или хотя бы выйти на них не могли. Так и были в деле «черных колготок» одни ни к чему не годные заявления потерпевших и показания бестолковых «свидетелей».

– Малыш идет черный. Твой выход – проговорил в полголоса, сверкнув золотой фиксой, великовозрастный Фикса, самый старший из всех, натягивая на голову черный чулок. Остальные повторили маневр жоака, и рассредоточились по углам, проходного двора, так что бы перекрыть все пути возможного отступления.

– Сейчас повеселимся – шепотом, заржал Дрын, приготовив, увесистую дубинку.

В темноте раздались нетвердые шаги, идущего офицера. Оглянувшись по сторонам и не увидев никого, он подошел к кустам, и расстегнув ширинку брюк немного расслабился, блаженно думая о чем-то возвышенном. Струя с силой ударила в землю.

– Ух, как хорошо, еле донес – пробормотал офицер.

Внезапно его из размышлений по поводу благополучного облегчения, вырвал тонкий мальчишеский голос:

– Нехорошо дяденька, надо бы заплатить за нарушение общественного порядка и нанесение урона нашему двору, а то милицию придется вызвать, и с тебя звездочку снимут.

Офицер оглянулся и увидел, что за его спиной стоит шкет, лет двенадцати с сигаретой во рту.

– Курить детям вредно! – пробормотал офицер, заправляя свое хозяйство в штаны, и видимо не приходя еще в себя от спиртного.

Бандиты всегда направляли вперед «Малыша», так было интереснее, посмотреть, как взрослый человек будет разговаривать с малолеткой наедине, в темном углу.

– Курить или не курить – это мое дело. Мне родители с десяти лет разрешили. А вот платить придется. Такса 25 рублей.

– Чего? Иди отсюда – начал злиться офицер – Ты хоть знаешь, что такое 25 рублей? Ты хоть рубль сам заработал?

Он попытался пройти мимо шкета, но тот схватил его за правую руку, и повис на ней.

– Ой – пробормотал офицер, – ты чего?

Он попытался стряхнуть парня с руки, но тот вцепился в нее, как клещ.

Внезапно раздвинулись кусты и на небольшую площадку вышли несколько парней в черных колготках на головах и с дубинками в руках.

– Нехорошо дядя, маленьких обижать. Теперь тебе это будет стоить теперь 300 рублей. Давай раскошеливайся и иди дальше – сказал хриплым голосом, самый здоровенный детина, в черной рубашке и джинсах.

Офицер понял, что это была подстава, про «черных колготок» он уже слышал от друзей и знакомых. В Севастополе даже написали об их нападениях во флотской газете «Флаг Родины».

Он сразу понял, что попал именно на этих бандитов. Понял что пощады, как и помощи ждать неоткуда. В газетах писали об их жестокости. Он оглянулся, но сзади уже двое парней, перекрывали пути отхода.

– Придется драться – подумал он, сбрасывая последние остатки опьянения и становясь в позу для защиты. Страха не было, была злость на себя. Правой рукой он не мог пошевелить, ибо на ней повис, присосавшийся, как клещ парнишка. Ну, а левой защищаться, против пяти парней? Это было сложно.

– О, какие мы смелые дядя. Цена повышается, теперь вдвое – весело проговорил, тот же детина – так даже стало интереснее. Хоть разомнемся немного. А то, все сразу ручки вверх. Берите наши денежки.

– Что интереснее всей бандой на одного? Давайте по одному – еще раз попытался он стряхнуть груз с правой руки, разжимая левой рукой хватку мальчишки.

– Нет, дорогой не мы, а ты сюда напросился, и нагадил у нашего дома, и теперь отвечай по полной форме, или расплачивайся.

– А могли бы разойтись мирно – раздались слова от парня слева.

Справа просвистела увесистая дубина, офицер отпрыгнул немного в сторону, попытался уклониться от удара. Груз на руке помешал, и дубинка зацепила ухо. На тужурку, и по шее закапала горячая кровь. Затем он получил удар слева в челюсть, и дубиной по голове сзади. Немного откатнувшись вперед, он не глядя, нанес удар ногой назад, и наконец сбросил с руки парнишку.

– Попал, – подумал он, почувствовав, что удар ногой не попал в пустоту, и услышав стон.

– Гад, по яйцам попал. Меси его ребята.

На него налетели со всех сторон. Замелькали руки, дубинки. Получив удар в висок, он потеряв равновесие, стал заваливаться. Во время падения, тот, что был справа, все-таки достал его, по голове дубинкой. Фуражка смягчила удар, но от удара слетела с головы, и укатилась куда-то в сторону. Офицер упал на землю, лицом вниз, стараясь прикрывать от ударов голову.

Озверевшие парни были его ногами и дубинками, изрыгая матерные ругательства. Большинство ударов приходились по голове и туловищу. Перед глазами офицера все поплыло, и сознание стало оставлять его.

Кузьма как не спешил, но опоздал. Когда он прокрался в темноте, в черное пространство закутка между двух домов, там шла драка, вернее избиение лежащего. Парни в черных колготках на лицах избивали ногами лежавшего, видимо без сознания офицера. Он даже уже не сопротивлялся. Оценив обстановку, Кузьма понял, что никого вокруг более нет. Трусоватые жильцы позакрывали окна, от греха подальше. В ближайшей перспективе никого видно не было.

– Слава Богу, никого более нет рядом – подумал Кузьма – ну что же? Тогда мой выход.

– Ребята, а кто это научил вас так некультурно выражаться? На какой помойке вы выросли? Матом ругаться некультурно, разве Вас не учили этому Ваши родители – спросил он громко, появившись внезапно за спиной парней – вы это, что моего друга избиваете?

Он застал их врасплох. Они проследившая этого припозднившегося офицера не видели на дороге больше никого. И теперь не могли понять, откуда взялся второй офицер. Они дружно обернулись лицом к Кузьме.

– Тю, а кто у нас тут? «Малыш», а кто на атаке, должен был стоять? Откуда, этот фраер, нарисовался? – недовольно спросил мальчишку, рывшегося по карманам лежащего офицера, один из парней.

– Это вожак и его надо вырубать первым. С остальными будет легче – подумал Кузьма про говорившего.

– Так, я это, никого там больше не видел. И потом я вам помогал, этого держал – раздался мальчишеский голос.

– Черт побери, приходится с детьми драться. Но какие дети? Судя по рассказам дяди Васи, на их счету есть и изнасилования и избиения взрослых. Да и ростом с меня большинство. Значит, решено бьем больших, а маленького потом по заднице в качестве учебы ремнем – подумал Кузьма.

– Проходи дядя – мы те самые «черные колготки». Слышал? Живых не оставляем. У тебя есть время уйти – попытался запугать Кузьму вожак, надеясь, что Кузьма испугается и уйдет. Для убедительности он достал финку.

Кузьма медленно и тихо, передвигаясь по касательной, перекрывал им отход.

– Да хоть «черные колготки, хоть зеленые»! Вы, подняли руку на офицера флота, моего друга и теперь должны ответить за содеянное, и никогда больше так не поступать. Я слышал немного о ваших делах ребята, и давно хотел посмотреть вам в лица. Предупреждаю, что у кого ножи я ломаю руки, что бы более, никогда не могли их использовать против людей. Убирайте ножи. Лучше снимайте бабские чулки, с лиц я все равно вас никого не знаю, а так я сниму их с вас сам силой.

– Ты что супермен? Тебе, что больше всех надо – тянул время вожак, еще не понимая, почему их офицер не боится. В то же время, как остальные парни со всех сторон пытались замкнуть круг.

Кузьма встал спиной к дому, не давая никому зайти сбоку или сзади.

Он увидел замах справа, и уклонился, почувствовав, как мимо уха просвистел дубинка, метившая явно в голову.

– Да, они не шутят. Драться-то надо серьезно. Ну, по взрослому так, по взрослому. Следующий удар перехватываю – подумал Кузьма, незаметно приближаясь как можно ближе к вожаку.

Его еще раз попытался достать ударом дубины парень справа. Кузьма снова уклонился, и резко выйдя правой ногой вперед, перехватил правой рукой дубинку, и нанес сильнейший прямой удар в грудь вожаку. А затем с размаху той же ногой по касательной с разворотом,

притянул его к себе за дубинку, и сбил с ног. Вожак от сильного удара улетел в кусты, финка выпала из руки и потерялась в темноте. Второй парень с воем от боли, получив дубинкой удар по голове, присел на землю.

Кузьма тут же сменил позицию, поставив трех оставшихся врагов опять перед собой. Мальчишка был у него не в счет. Мало того он так быстро перемещался, по кругу что парни начали мешать друг другу, двое постоянно оказывались за спиной одного.

– Ух, ты, он еще сопротивляется. Ну, тем хуже для него. Нападай со всех сторон – загудел гнусаво из кустов вожак – он мне ребра по моему сломал. Болит страшно.

Кузьма уклонился от прямого удара дубиной, и схватив за руку бывшего, поставил его голову на пути удара другой дубинки, прикрылся им. Получив удар по голове дубиной, бандит начал медленно оседать на землю.

– Ребята, вы своих так всех перебьете. Он уже без сознания – подзадоривал двух оставшихся соперников Кузьма и на ходу перемещаясь, сорвал черный чулок с головы, сидящего на земле и стонущего бандита.

– Познакомимся на всякий случай – громко сказал он.

В этот момент, «малыш» подобралшись поближе, вцепился намертво в правую руку Кузьмы, и повис на ней гирей.

– «Малыш», его-то я в расчет не принял – с досадой подумал Кузьма – что ж тем хуже для него.

Кузьма, даже не стал стряхивать с руки мальчика, а использовал его как щит, подняв над собой.

Следующий удар двумя дубинками пришелся по спине мальчишки.

Раздался крик:

– Ой, больно, больно – пустиииии!

Кузьма, больше не стал его удерживать в руках, и просто кинул, как снаряд, в пытающегося вылезти из кустов вожака. И тот опять завалился с руганью и «малышом» на руках в кусты.

Уйдя в сторону, от очередного удара Кузьма, перехватил руку, и завел ее за спину, а потом дернул на себя и коротким ударом колена в челюсть, послал нападавшего в нокаут. Отобранную дубину, просто выбросил в кусты, и содрал черный чулок с головы упавшего.

– Он мне жубы выбил – с каким-то вроде плачем загнусил парень, садясь на землю и держась за челюсть.

Кузьма не став уклонился и от следующего удара, и сделав такой же захват, бросил бывшего на землю и выбил руку из плеча. Отобранную при захвате дубинку забросил так же в кусты, откуда пытались выбраться мальчишка и вожак.

Последний парень, схватился за плечо и завыл от боли.

Ударом колена Кузьма отправил его тут же в нокаут. Тот, который держался за зубы, попытался встать. В руке его блеснула финка:

– Милый я вас предупреждал никаких ножей. Теперь получай, – спокойно сказал Кузьма, и уклонившись, выбил мощным ударом финку, и провел прием на захват руки.

Раздался треск ломаемой кости в кисти, и парень без сознания кулем опустился на землю.

– Ты чего бешеный? – прокричал вожак, и попытался бежать в спасительную темноту. Но Кузьма догнал, и сбил его с ног, ударом по ногам.

– Лежать пока! – прокричал он.

Никому больше приказывать было не надо. Все лежали на земле, боясь встать.

– Он бешеный, такого в тюрьме держать надо – гундосил вожак.

– Вставай, – поднял самого менее пострадавшего из всех Кузьма – беги к автомату на остановке, и вызывай скорую помощь? Вот тебе две копейки. Достал он из кармана медные деньги.

Откуда-то сверху из окна раздался женский голос:

– А вот мы сейчас милицию вызовем. Совсем распоясались, дерутся прямо под окнами.
– Вы лучше скорую помощь вызовите. Здесь нескольким «черным колготкам» нужна помощь – сказал Кузьма, сдирая женские чулки, с голов остальных.

Услышав про «черные колготки», женщина захлопнула окно, и сразу погасила свет.

Через открытую форточку послышался мужской голос:

– Ты, что дура делаешь, хочешь, чтобы они нам окна повыбивали?

– Мы в милицию пойдем жаловаться! – прогнусил, откуда-то из кустов, «малыш».

– Иди ка сюда – Кузьма вытащил из кустов пацана, и достав ремень из брюк, отхлестал его по заднице – если я что обещаю, то выполняю всегда на сто процентов. Отцу привет передавай. Пусть спасибо скажет.

– Мой отец тебя закроет. Он главный в городе – ревел «малыш».

– А насчет милиции это хорошо. Идите, там вам рады будут. Вас там давно ждут! – сказал Кузьма, поднимая свою и капля фуражки, и отряхнул ударом о ногу.

– Ты мне жуубы, гад выбил. Ты ответишь по полной. Я тебя жапомнил – гнусавил один, сидевший рядом, с начавшим приходить в себя и зашевелившимся каплеем.

Кузьма подобрал, валявшиеся на земле кастеты и финку, и положил в карман тужурки. Черные женские чулки, сорванные с голов бандитов, забросил в кусты вместе с дубинками.

– Еще раз встречу за такими делами, всем руки переломаю или сделаю полное обрезание, что бы больше не нападали на женщин, и таких же дураков, как вы сами не плодили. Я свои обещания выполняю.

– Я вызвал скорую помощь, товарищ офицер – доложил дрожащим заискивающим голо- сом Кузьме, вернувшийся парень.

– Славненько, надо думать, что соседи из этого дома вызвали уже милицию. Вынужден, откланяться вам Господа хорошие. Больше мне не попадайтесь. Переходите на добрые, полез- ные людям дела.

Он поднял трясущего головой и немного пришедшего капля, и повел в сторону двора:

– Ты где живешь Чак Норис?

Каплей медленно приходил в себя, тряс головой ничего не понимая, оглядывался по сто- ронам:

– Где я? Что со мной? Ты кто?

– Я – задумался Кузьма – считай, что дед Мазай.

– Какой дед Мазай? Ой, как голова болит и здесь справа.

– Ну, сотрясение есть, и ребра тебе переломали?

– Кто переломал?

– Ну, твои «друзья» наверно, которые тебя ногами и дубинками метелили.

– А где они? Они мне не друзья.

– Они скорую помощь ждут и милицию!

– Вот здесь за этим домом наше общежитие офицеров. Это улица генерала Коломийца. Я не Чак Норис, а Саша Махотрин – начальник РТС с «Красного Кавказа». Пойдем, выпьем со мной. А? Надо снять стресс. Ты хороший парень. Судя по «птице» – ты с «Бреста»?

– Точно с «Бреста». Насчет выпивки, советую, больше не пей, а то не окажись рядом меня, что получилось бы? И вообще я тороплюсь, меня ждут на Примбуле. Провожу тебя, и рвану догонять своих ребят. Куда тебя?

– Да вот наш дом. Это офицерская общага – пробормотал капитан-лейтенант – спасибо тебе, никогда не забуду. А у вас на «Бресте» все такие?

– Разные люди на «Бресте», есть, как и везде и хорошие и плохие. Да ладно, ты молчи, береги силы и учись защищать себя и свою честь.

Кузьма довел Махотрина до комнаты, помог открыть дверь и оставил его приводить себя в порядок. Назад он пошел через другой двор. Второй еще раз встречаться с хулиганами и с

милицией, ему не хотелось. Где-то там сверкали мерцающие в темноте огни скорой помощи и милиции и слышался приглушенный шум людей.

– Может проводить дядю Васю, а то не дай Господь на таких же «колготок» попадет – подумал Кузьма и направился к ресторану.

Майор милиции Матрюков ничего не понимал. Нападение «черных колготок» на пятерых молодых здоровых парней и одного школьника. Поломанные челюсти, ребра, рука, говорили о том, что сражение было серьезное. Сами потерпевшие ничего не могли сказать, кроме того, что нападавших было двое и оба в форме офицеров в черных колготках на лицах.

На месте драки были найдены пять масок сделанных из обрезанных колготок. Тогда почему, нападавших, было только двое? Показания пострадавших, расходились, по сути и в частности. Но по предыдущим нападениям все пострадавшие попадали под свидетельские показания, именно как банда «черных колготок». Присутствие в их составе двенадцатилетнего Сергея Малышева только подтверждало ход мыслей следователя. Все свидетели, люди, проживавшие в доме, как один говорили, что драка продолжалась максимум несколько минут. Причем в «колготках» были именно побитые. Напал морской офицер. Звание и лица никто не разглядел.

Дело осложнилось, тем, что среди пострадавших оказались сын секретаря городского комитета партии Александр Бурунов и сын директора радиотехнического завода «Фрегат» Михаил Крапченко.

Родители обрывали телефоны, заседали на руководство Внутренних дел и просили найти негодяев, избивших их детей. И начальник городского отдела Внутренних дел генерал-майор Литвиненко требовал от Матрюкова, найти во что бы то не стало, негодяев из «черных колготок» и защитить от них детей и женщин.

А здесь еще, как назло, совпали отпечатки пальцев, найденные на месте нападения на 20-летнюю Евгению Фирсову на улице Гарпищенко с отпечатками «пострадавшего» Александра Бурунова.

Отпечатки Михаила Крапченко фигурировали в нападении на старшего лейтенанта Машукова в бухте Омега. Остальные «потерпевшие» тоже фигурировали в различных нападениях на Остряках и Хрусталева. И даже отпечатки пальцев, найденные на дубинках на последнем месте нападения совпадали с отпечатками пальцев Александра Бурунова, Михаила Крапченко, Валентина Машкина и Семена Саевича.

Опознали практически все потерпевшие несовершеннолетнего Сергея Малышева, всегда выступавшего без «колготок» на лице.

– Неужели пошло? – думал Матрюков, радостно потирая руки – все складывалось как надо, кроме одного, кто побил или наказал «черных колготок»? Неужели опять «Зорро» объявился в городе? Если это офицер, а эти говорят что два офицера, то все складывается все, как надо. Закончили училище, и исчезли из Севастополя шесть лет назад. Теперь появились здесь опять в званиях, судя по прохождению службы, минимум капитан-лейтенантов. Если окончили, «Голландию», то служат, скорее всего на Дальнем Востоке или Севере, Если закончили «Стрелку», то искать можно на любом флоте, кроме ЧФ. Шесть лет в Севастополе никто не избивал так жестоко бандитов. Надо проверить в комендатуре всех недавно приехавших в город капитан-лейтенантов и вставших недавно на учет. Или проверить все корабли, недавно пришедшие в Севастополь с других флотов.

Матрюков решил снова пересмотреть сданное в архив «дело Зорро».

– По словам потерпевших, получается, что тот «Зорро» – это и есть «черные колготки»? Ничего себе замаскировались. У меня никогда не было веры к этим морским офицерам – потирая руки, сказал начальник городского управления МВД генерал-майор Литвиненко, которому Матрюков изложил свои соображения.

– Да нет Тимофей Ильич, «Зорро» – это не «колготки». «Зорро» – это против «колготок» и других наших бандитов. Видимо офицеры пять – шесть лет назад курсанты одного из Севастопольских училищ. Но это предположение. А «колготки» – это местные бандиты, просто напоролись случайно не на тех, кого надо и получили по полной.

– Ты что майор? Говори, да не заговаривайся. Сын секретаря горкома партии не может быть бандитом. Даже слушать об этом не хочу. Ищи этих офицеров, а уж мы на них все висяки привесим. А о сыне секретаря горкома и не думай даже заикаться.

– Сложно будет повесить, если они служили во время нападений на людей на других флотах.

– Не твое дело я завтра же утром к Командующему флотом на доклад, и комендатуру для розысков поднимем.

Кузьма даже не думал о том, что произошло. Для него это не имело значения – было повседневностью его жизни. Он быстрым кошачьим шагом шел к ресторану.

Перед рестораном было темно, свет на площадке уже выключили и только некоторые светящиеся окна говорили о том, что жизнь еще в ресторане идет полным ходом. Кузьма подошел к двери ресторана и постучал.

Из-за двери раздался дребезжащий голос дяди Васи:

– Ресторан закрыт! Водки и шампанского нет!

– Дядя Вася открой это я – Кузьма. Ты говорил, что какие-то «черные прокладки» на людей нападают, так я решил тебя на всякий случай проводить, да и Петровну повидать заодно, если не выгоните, то до шести утра переночую у вас, как всегда – он широко и приветливо улыбнулся, выглянувшему в окно дяде Васе.

Раздался звук, открываемых засовов, и за дверью показался дядя Вася в пиджаке, который был одет на тельняшку.

– Истинный моряк, даже в ресторане тельник не снимает – подумал Кузьма.

– Ну что Кузьма навел порядок в Севастополе?

– Да есть немного. Немножко в меру способностей.

– Значит этой мрази, будет теперь поменьше.

Кузьма прошел в холл ресторана и удобно расположился в кресле.

– Скоро вы дядя Вася? Долго вас ждать?

– Пойдем, перекусишь немного. Зина покормит. Хорошая девчонка. Тебе бы такую в жены.

– Не дядя Вася я казак вольный. В походе я уже который год. А казаки знаешь, в походе не пьют, не расслабляются, и на женщин не смотрят.

– Погодь, погодь, я тебе говорю. Казак, он видишь ли? А от кого казаки рождаются? У тебя, что мамки-казачки не было. Сам по себе на грядке вырос? А мы все как? Не казаки? Не. Без женщин это ни жизнь. Зря ты так Кузьма критично. Есть хочешь?

– Нет спасибо, я есть не хочу – потянулся в кресле, улыбаясь и разминая руки Кузьма – а вот от чая бы без сахара, не отказался бы.

– Зинка, подь сюда – прокричал, в глубь зала, дядя Вася.

В холл вошла симпатичная брюнетка, с короткой прической в джинсах и джинсовой курточке.

Светлые, с синеватым отливом глаза, изучающе осмотрели Кузьму. Из-под челки, спускавшийся прямо на глаза, на Кузьму посмотрели озорные глаза.

– Познакомься стрекоза. Это мой Кузьма, я тебе про него рассказывал. Пришел проводить меня сегодня специально.

– Тот самый Кузьма? О котором, вы так много рассказывали с тетей Настей? Да он же с «Бреста» – она посмотрела на авианосный знак, на груди Кузьмы.

– Тот самый конечно. Знакомься, получше. Он нам, как сын. Ты уж не обижай его.

Кузьма смутился, но с интересом посмотрел на девушку, а она на него. Он подтянулся, и они оба молодые и красивые засмеялись одновременно.

– Хорошая девушка – подумал Кузьма.

– Ладно, ты скоро стрекоза? Тащи Кузьме чай хороший без сахара.

– Я уже закончила сегодня и все убрала – сказала Зина, и опять улыбнулась Кузьме – но чай сейчас будет.

– Хорошая у нее улыбка. Приятная – подумал Кузьма.

Последний катер отходил на Северную сторону. Мансур смотрел в сторону площади Нахимова, но Кузьмы видно не было. Они хорошо вшестером провели время, гуляли по Приморскому бульвару, пили у грота шампанское. Затем Николай пошел провожать Анечку на Большую Морскую. А Надежда и Зоя жили в общежитии на Северной стороне. Конечно, офицерам было в тягость ехать с ними, на Северную сторону. Потом пришлось бы ждать на холоде до шести часов первого парома, и еще добираться на троллейбусе до Угольной, где стоял «Брест». В восемь часов назначена съемка и выход на полеты. На корабле надо быть минимум в семь часов.

Но молодость и задор сделали свое дело, и Мансур запрыгнул в уже отходящий паром.

– Вперед навстречу новым приключениям! Разве мы не мужчины? У нас есть еще бутылка шампанского, и мы можем отпраздновать наше знакомство – закричал он.

– Вот Кузьма телепень. Опять где-то застрял, нельзя на него положиться – пробурчал недовольно Сергей.

На Северной стороне ушли последние автобусы, и пришлось до общежития по пыльной дороге добираться пешком.

Мансур без конца, читал стихи Расула Гамзатова, а Сергей рассказывал смешные истории. И лишь когда подошли к общежитию девушки помрачнели.

– А к нам нельзя. У нас строгий пропускной режим.

Теперь помрачнел Мансур:

– Ничего себе подруги, а мы где будем ночевать? Вы что нас так здесь и бросите?

– А здесь недалеко до 12 причала. Там масса кораблей и вы можете вполне переночевать там.

– А никак нельзя к вам через окошко? Мы бы вместе попраздновали с вами всю ночь – спросил с надеждой Сергей.

– В окно нельзя мальчики. Нас могут за аморальное поведение выгнать из общежития и исключить из комсомола.

– Что же вы не сказали сразу, когда садились в катер. Вы же знали, что мы с «Бреста» и здесь негде будет ночевать – спросил Мансур.

– Да напугали нас этими «черными колготками», очень хотелось, что бы вы проводили до подъезда. Извините нас. Ведь мы еще встретимся – спросила с надеждой Зоя.

– Встретимся обязательно, как бы не так, – ответил Сергей и потянул за рукав за собой Мансура – Девушки, бросили кавалеров на холоде. Плохие девушки.

– А вы что хотели-то?

– Что хотели, то хотели, больше не хотим, пока – бросил Сергей, увлекая за рукав Мансура за угол.

Ребята скрылись за углом дома, а девушки стояли на крыльце.

– Вот и обидели, ни за что хороших ребят. Надо было на причале сказать, что к нам нельзя.

Теперь больше не придут никогда – посмотрела, им вслед Надежда, и с сожалением вздохнула – куда они теперь действительно?

– Не пропадут, небось. Да и у них с собой наше шампанское. Погреются, а может кто из «северянчек» пригреет у себя дома. Не бойся, такие не остаются на причале. Ты видела этого Сергея – настоящий бабник, ему только в руки попади – сразу на аборт придется бежать.

– Так Зоя мы никогда замуж с тобой не выйдем. Нельзя парней отталкивать от себя таким образом – высказалась Надежда – я пойду за ними. Проведу с ними время. Поговорим просто. Она побежала за угол, но ребят уже не было видно.

– Наверно пошли на 12 причал – подумала она, и с сожалением пошла за Зоей в общежитие.

Сергей и Мансур вылезли из-за забора, строящегося дома, и пошли в сторону причала.

– Больше никогда не пойду провожать таких девушек – обиженно сказал Мансур.

– По статистике отказывает каждая вторая с первого раза, каждая четвертая со второго и каждая шестнадцатая с третьего.

– А мне не надо и второго раза – пробурчал Мансур.

На причале было пусто.

– Может действительно, пойдем на двенадцатый причал. Там стоит крейсер «Грозный» на нем одноклассник командиром БЧ-4 служит, у него и переночуем – предложил Мансур, после того, как стало сыро и прохладно.

– Не, не успеем на выход, здесь минут тридцать–сорок хода, плюс тридцать минут катер, и сорок минут до Угольной, с площади Нахимова. Времени в обрез, можем не успеть. Гиоев, знаешь, что уже за тридцать минут до отхода снимает трап. Надо придумать что-нибудь такое неординарное. Не ночевать же действительно на причале. Мансур открывай шампанское, под него лучше думается.

Мансур ловко открыл бутылку, пробка улетела в воду, и передал ее Сергею. Тот припал к горлышку.

– Эй, парень оставь немного, хоть пару глотков – внезапно раздался из-под причала чей-то голос.

Офицеры подошли к краю причала, и увидели под самым причалом маленькую рыбацкую лодочку с мотором. В ней сидел в канадке пожилой усатый мужчина с удочками.

– Закуска есть – спросил, никогда не унывавший, Сергей?

– Да полно – рыбак, открыв сумку, стоявшую под баночкой лодки, стал извлекать богатства. Баночка соленой капусты, соленые огурчики, помидоры, колбаска докторскую уже аккуратно нарезанную, несколько шматов сала, копченая рыба, буханка черного хлеба, термос с чаем – перечислял рыбак свои богатства – на рыбалке я, а Натаха, по тихому, шкалик вынула из мешка, вот жду кого-нибудь согреться.

– Меня зовут Сергей, это Мансур.

– Меня зовут дядя Ваня, Иван Перфильевич для вас – представился, пожав руку Сергею, рыбак.

– Все хорошо Иван Перфильевич, но твоя закуска под шампанское никак не идет. Сюда нужны конфеты, шоколад, на худой конец что-нибудь сладкое. Фрукты например. А это, под «шило» хорошо пойдет.

– Я вам на рыбалку шоколад буду брать что ли или фрукты? Да и где взять-то «шило»? – спросил мрачно рыбак.

– Где, где отвези нас на «Брест», а там и нальем и с собой еще дадим на рыбалку – придумал внезапно Сергей.

– Так чего стоим? Залезайте. Пошли на «Брест» – радостно согласился рыбак – А вы не обманите?

– Ты, что? Я начним «Бреста», а Мансур командир БЧ-4. Любимым противогозлом клянусь, чтобы у меня УСВЗ в нужный момент не сработало, не обманем! – засмеялся радостно Сергей.

Мотор маленькой лодки завелся, и офицеры радостно прыгнули в нее.

– Осторожнее, перевернете – пробурчал рыбак и лодка, сделав резкий разворот, и взяла курс на Угольную.

– Я тебе говорил, что не пропадем – сказал Сергей, и пожал в темноте руку Мансуру.

– Я сало не ем, у нас не принято – начал оправдываться Мансур.

– И не надо, тебе сало есть – оно нам с Кузьмой и Иваном Перфильевичем больше достанется. Хотя мусульмане говорят, что если иллюминатор задраить, то и сало можно мусульманам. Аллах-то не видит.

– Мой Аллах все видит – пробормотал еле слышно Мансур.

– Ты же коммунист Мансур. Какой Аллах?

Через несколько минут мелькнули огни «Бреста» и катер лихо причалил к приставке. Вахтенный матрос сноровисто принял конец, и закрепил на кнехте.

– Эй, Никифоров, Володя принимай гостей – закричал Сергей вахтенному офицеру, который испуганно выскочил из рубки дежурного по кораблю.

Сергей протянул ему остатки шампанского, и вся троица поднялась по трапу с проставки на корабль.

Попив чай, и дождавшись, когда все работники ресторана соберутся в холле, Ирина Николаевна сдала ресторан на охрану и все дружно направились на выход. Некоторые побежали по домам. Зина зашла за здание ресторана и выкатила большой мотоцикл с коляской:

– Батин мотоцикл, теперь я езжу. Надевайте каски и поехали.

– Ее все в Севастополе знают, зовут Зинкой-мотоциклисткой. Знаешь, как она носиться? – с гордостью сообщил дядя Вася.

– Не ношусь, а езжу исключительно в рамках правил. У меня не одного прокола в правах нет – доложила Зина.

– Вот здорово – сказал Кузьма, рассматривая реликвию – первый раз вижу девушку, едущую на мотоцикле.

Дядя Вася деловито залез в коляску, и нацепил шлем, который на его голове напоминал игрушечную шапочку. Зина села спереди, а Кузьма сел сзади, и тоже надел шлем, и отдав свою фуражку дяди Васе.

Мотоцикл затарахтел и рванулся с места. Кузьма чуть не свалился с него от рывка. Зина притормозила, повернулась к нему, и сверкнув улыбкой сказала:

– Свалишься ведь. Держись за мою талию.

И Кузьма краснея, от первого в жизни прикосновения к женщине, нежно взял ее за талию своими большими ручищами. Зина напряглась немного, и мотоцикл рванул с места.

Пролетев по большому городу, они выскочили, наконец к Херсонесу, и повернули в сторону Стрелецкой бухты. С ревом мотоцикл затормозил у домика дяди Васи. У калитки дядю Васю уже ожидала Анастасия Петровна.

Она подошла к слезшему с мотоцикла Кузьме и расцеловала его в щеки:

– Кузя, любимый сынок. Вернулся к нам.

– Ты вот, шо хозяйка не мешай сейчас. Кузя сейчас проводит Зину домой и вернется. А то не дай Бог, кто-нибудь обидит ее. А она сирота и он, как офицер, должен ее защищать от всяких неприятностей.

Зина, Кузьма и Анастасия Петровна попытались ему возражать, но дядя Вася был непреклонным:

– Цить, бабы я сказал, что проводит, значит проводит. Не по мужски, ночью женщину одну бросать.

Он заговорщически подмигнул Зине и Кузьме.

Анастасия Петровна, привыкшая к командному тону мужа, согласилась, и поцеловала Кузьму в щеку:

– Кузя не забывай нас стариков. Мы тебя любим. Вернешься сегодня к нам?

– Нет наверно тетя Настя. Мне на корабль надо завтра с утра в море. Но я обязательно зайду через недельку – и Кузьма расцеловал Анастасию Петровну и дядю Васю Зина, сидя на мотоцикле, ждала Кузьму, краснея и чему-то улыбаясь.

Он еще обнял дядю Васю, опять сев за Зиной на мотоцикл, уже без всяких уговоров, нежно взял ее за талию.

Мотоцикл резко рванул с места.

– Кузьма не обижай Зину, она сирота. Помни об этом – донесся им вслед голос дяди Васи.

– Меня никто не обидит, если я сама этого не захочу – прокричала Зина уже на ходу, в темноту.

Через десять минут мотоцикл, пролетев микрорайон, затормозил у небольшого домика с черными окнами.

– Вот здесь я и живу – сказала Зина, снимая шлем, из под которого вылезали ее темные волосы.

Кузьма тоже слез и положил свой шлем в коляску мотоцикла и надел белую фуражку:

– Ну я побежал на корабль – сказал Кузьма, решив миссия выполнена, и что пора прощаться с Зиной.

Но она видимо придерживалась другого мнения.

– А пойдем Кузьма, ходим, на море посмотрим. Прогуляемся. Посмотри ночь, какая хорошая. Звезды. Здесь море рядом. Знаешь, как красиво смотреть с Херсонеса ночью на волны и огоньки в море.

– Пойдем – не в силах отказать ответил Кузьма, внезапно для самого себя.

И вообще ему казалось, что он не в силах сопротивляться ее голосу и готов выполнить ее любое желание.

Зина провела Кузьму на Херсонес по какой-то тропинке. В темноте чернел подвешенный колокол, где-то бросали тени древние греческие постройки, колонны.

Они вышли на берег моря. Внизу о скалы бились черные волны. Кузьма подошел к краю обрыва и оттуда выбросил подальше в сверкающие при свете луны волны, лежавшие у него в карманах кастеты и нож «черных колготок».

– Ты чего выбросил? – тихо спросила Зина.

– Прошлую никчемную жизнь – ответил так же тихо Кузьма.

– Пойдем, посидим на скамейке, там есть рядом с колоколом – предложила Зина.

И они пошли в сторону, где темной громадой чернел старинный колокол.

Было тихо, и вокруг не было никого.

– Садись – предложил Кузьма, расстелив свою тужурку на скамейку.

– Не снимай, холодно – засмеялась, как колокольчик Зина, и одела снова тужурку, на него.

– Мы сядем так – сказала она, и усадив Кузьму на скамейку, а сама села ему на колени, распахнула тужурку, и прижалась всем телом к его груди. Ее глаза сверкали, как звездочки в ночи, отражавшиеся в море.

Она что-то ему говорила, но ее не слышал. Кузьма боялся пошевелиться, спугнуть ее. Она что-то ему говорила, и рассказывала. Голос ее звенел как колокольчик. И Кузьма был готов так сидеть до утра.

Они не знали, сколько прошло времени, боялись спугнуть жар-птицу их зарождавшейся любви.

Казалось, что прошел целый век, как они знают друг друга. Сквозь ее легкую курточку Кузьма чувствовал, как сильно бьется ее сердце, чувствовал ее небольшие и очень теплые грудки.

Наконец Зина сказала тихо:

– Кузя пойдем домой спать, а то тебе завтра надо на корабль.

– Да, часов в пять выходить надо. У нас в восемь выход завтра в море.

– Знаю, вы идете на две недели в Феодосию с «Беззаветным» и «Красным Кавказом».

Кузьма всегда удивлялся, откуда женщины в городе знают о задачах и действиях флота больше, чем флотские офицеры.

Они пошли медленным шагом домой, оставляя позади шум прибоя, бьющегося о тысячелетние скалы Херсонеса.

Дома Зина, поставила чай, и пока он закипал, постелила Кузьме в комнате на полу, а себе на небольшом диванчике. Комната была в домике всего одна.

Попив чай, Кузьма быстро помылся во дворе, и раздевшись нырнул, под приятно пахнущую простыню, накрытую зеленым верблюжьим одеялом.

Зина погасила свет в комнате, и пошла умываться. Сердце Кузьмы, казалось выскочит сейчас из груди, так ему было хорошо. Его бросало то в пот, то в холод.

Через минут пятнадцать пришла Зина и в темноте залезла под свое одеяло на диване.

Они лежали и молчали. Кузьма не мог заснуть, он лежал и думал о Зине, дяде Васе и Анастасии Петровне. Он не мог понять, почему он раньше не знал Зины.

Внезапно в ночи раздался тихий, как колокольчик, и призывный голос Зины:

– Кузьма так и будешь продолжать половую жизнь на полу. Иди ко мне, здесь нам будет вместе гораздо теплее. А то у меня зуб на зуб не попадает.

Второй раз приглашать Кузьму было уже не надо, и через секунду их тела сплелись в тесных объятиях. И пропало все и небо, и звезды, и Севастополь, и «Брест», и этот теплый маленький домик.

Майор милиции Матрюков, ел свой хлеб, не даром. Он уже к двум часам ночи имел полный список морских офицеров, бывших курсантов «Голландии» и «Стрелки» 1972-1974 годов выпуска, прибывших за последнюю неделю в Севастополь в отпуск или в командировку или к новому месту службы.

Таких набралось шестнадцать человек. Десять прибыли в отпуск с других флотов, один прибыл в командировку, двое прибыли в Севастополь с кораблями, прибывшими в ремонт, двое прибыли на кораблях, уходящих на другие флота из Николаевского завода и один прибыл уволенным в запас по болезни к месту постоянного жительства в Балаклаву.

Проверить, всех было, не сложно. Уже ночью ушли во все гарнизоны, откуда прибыли эти офицеры телеграммы с запросами о подобных случаях.

Конечно, была и погрешность во всем этом, и этого Матрюков боялся больше всего. А вдруг искомый офицер не встал на учет в комендатуре в Севастополе, а приехал к примеру из Ялты, Евпатории или Сухуми, где отдыхает на один день. Такое тоже можно предположить. Но нужно ждать ответов из гарнизонов. И намаявшись с раздумьями, и накаченный своим командованием Матрюков прилег спать на диванчике у себя в кабинете.

Кузьма прибыл на корабль к семи часам утра. Уже полным ходом шло приготовление. Заскочив на минутку в каюту к Мансуру, чтобы извиниться за вчерашнее он застал там полное веселье.

Столы были накрыты различными разносолами. Серега Огнинский с Мансуром и летчиком Красуком обнимались с каким-то мужиком в тельняшке и клялись в вечной дружбе. Бывший, с ними начмед Игорь Муратов, отвалился спать на диване.

Увидев Кузьму, Серега закричал:

– Штрафную, этому Кузьме. Как он просек, что эти девицы – пустой фантик, и не пошел их провожать.

– Ребята приготовление, через полчаса уже докладывать вам командиру о готовности боевых частей.

– Как приготовление, а мы не слышали. Сколько времени? – Сергей посмотрел на часы, и аж подпрыгнул – ничего себе посидели. Мансур наливай бутылку «шила» Перфильевичу, а то потом своего «крейсера» не найдет и две недели будет с нами в Феодосии париться.

– Как две недели – вскричал Перфильевич, – да мне сегодня надо в баню идти с Егоровичем вечером.

Всей гурьбой офицеры пошли провожать Перфильевича к трапу. На трапе Сергей долго целовался с Перфильевичем. В результате чего отдали приставку, и Перфильевичу пришлось прыгать уже на нее на ходу корабля. При прыжке он умудрился разбить подаренную бутылку с корабельным шилом, и сев наконец, в свою лодку горько заплакал о потере «подарка».

Сергея кричал ему с трапа:

– Не переживай Перфильевич, придем с морей, еще нальем вдвойне.

– А вы, не обманите? – раздался далекий голос Перфильевича, с уходящей от корабля приставки.

– Да клянусь своим самым любимым противогазом – кричал в ответ ему Серега, и раздался задорный смех, провожающих офицеров.

В кабинет командующего Черноморским флотом прошел начальник Севастопольского городского УВД генерал-майор Литвиненко.

– Что Тимофей Ильич привело тебя ко мне. Мои что ли расшалились, так мы их поправим.

– У меня дело «черных колготок» по всем нашим данным это два ваших офицера в званиях капитан-лейтенантов так промышляют. Мы проверяем, но сегодня зверски избиты шестнадцати – семнадцатилетние дети, один из них сын секретаря горкома партии товарища Бурунова, другой сын директора завода «Фрегат» Крапченко. Избиты зверски – шестнадцатилетнему школьнику Валентину Машкину сломали руку, выбили зубы, сломаны ребра. Ну, звери твои офицеры. Надо найти.

Командующий флотом заходил по кабинету:

– Так понятно. А как ты объяснишь, что вчера вечером эти «черные колготки» зверски избиты моего капитан-лейтенанта с «Красного Кавказа» Махортина. Показывает, что их было пять человек и один несовершеннолетний по кличке «Малыш». Сегодня ночью его доставили в госпиталь – сломаны четыре ребра, перебит нос, сломан палец на руке, разорвано ухо. Это как понять? Я уже приказал прокурору флота провести дознание по этому делу. Самых толковых ребят назначили на это дело.

– Просто понять! Твои за что-то и настучали ему по тылке.

– Не сходится Тимофей Ильич – количество не сходится, и этот несовершеннолетний никак не может быть офицером Черноморского флота.

– А может он, чей сын? – робко спросил генерал-майор.

– То, что он чей-то сын – это точно. Но не сын Махортина это тоже точно.

– Разбирайся сам Тимофей Ильич. Если нужна моя помощь – окажу, спецназ подтяну для захвата, бригаду морской пехоты подниму. Но не мешай ты нам работать со своими бредовыми идеями, и пожалуйста сделай так что бы на берегу мои офицеры могли нормально отдыхать.

Майор милиции Матрюков рыл землю, чтобы найти хоть какие-нибудь следы.

Восемь отпускников отпали по предоставленным алиби – находились в указанное время в семьях, двое уехали по туристическим путевкам на турбазу в Пятигорск уже более недели назад.

В ремонт прибыл балтийский крейсер «Октябрьская революция», два капитан-лейтенанта – выпускники, так называемой «Стрелки» имели также полное алиби – один был две недели в отпуске на Западной Украине с семьей, а второй был отправлен командиром корабля в командировку в Ленинград на завод, неделю тому назад.

В командировку, в школу водолазов, размещавшуюся на Херсонесе, прибыл капитан-лейтенант Воронов из Североморска для сопровождения выпускников учебного отряда в Североморск. Как раз в этот вечер он сопровождал новоиспеченных «водолазов» на вокзал и вечером никак не мог быть на «Остриях». На авианосце «Брест» прибыли в Севастополь старший лейтенант Валиев – командир группы БЧ-3 и капитан-лейтенант Гусаченко. Валиев дежурил по кораблю, Гусаченко по данным командира корабля капитана 1 ранга Гиоева сходил на берег, вернулся вовремя – был у невесты.

И, наконец, уволенный в запас по состоянию здоровья капитан-лейтенант Мирончик никак не мог участвовать в вышеуказанных событиях.

Удалось переговорить с несколькими отпусниками, и несколькими командированными.

Не удалось переговорить только с Валиевым и Гусаченко, которые ушли на «Бресте» в Феодосию, на полеты авиации. Возвращение ожидалось через две недели.

Беседа с пострадавшим капитан-лейтенантом Махортиным тоже не дала никаких новых зацепок. Он молчал намертво.

– Не помню, не знаю. И не узнаю – не хотел он делиться с милиционером, ни какой информацией, о спасшем его офицере.

Видел он «черных колготок», узнал «Малыша», остальное не помнит. Как домой попал, не помнит. Помнит только, как били палками и ногами. Больше ничего не помнит. Видимо флотские дознаватели из прокуратуры провели с ним эту работу.

Работники ресторана помнят, что было в ресторане несколько офицеров с «Бреста», но конкретно сказать ничего не могут.

Через неделю из всех гарнизонов флота пришел ответ, что подобных севастопольскому, случаев нигде отмечено не было.

Особенно Мاستрюкова интересовал ответ из Николаевского гарнизона, где строился «Брест». Случаев подобных севастопольскому, и в Николаевском гарнизоне не было.

Не знал майор милиции Мاستрюков, что месяц назад с «Бреста», укомплектованного «северянами» были уволены в запас по дискредитации офицерского звания несколько офицеров отправивших свои партбилеты в ЦК КПСС лично Генеральному секретарю Брежневу.

Реакция партийных руководителей на это была мгновенной. Все были уволены из рядов Вооруженных Сил без пенсий и пособий, а на их места немедленно были назначены офицеры Тихоокеанского флота, в том числе и Кузьма Гусаченко, которые практически в Николаеве не были, как впрочем, и в Североморске, куда тоже был послан запрос.

Кадровики Черноморского флота личные дела офицеров не показывали, а лишь ограничились общими сведениями о запрошенных офицерах.

Командир «Бреста» капитан 1 ранга Гиоев вызвал во время полетов в ходовую рубку, капитан-лейтенанта Гусаченко.

После доклада о прибытии, командир взял Кузьму под руку и увел на сигнальный мостик для конфиденциального разговора.

– Слушай Кузьма, а где это ты вчера был вечером?

– На берегу, товарищ командир!

– Кто подтвердить может?

– Ну, Огнинский, Асланбеков – мы вместе были, а потом девушек провожали.

– Уже знаю – с досадой проговорил командир корабля – это, но они уехали, говорят, а ты остался у ресторана.

– Ждал окончания закрытия ресторана. Там работают мои знакомые дядя Вася Вербицкий швейцаром и моя девушка Зина официанткой, товарищ командир – с волнением произнес Кузьма.

– Поверим Кузьма – ответил, командир, немного помолчав, – а не скажешь мне, кто кроме тебя мог пятерых «черных колготок» разделить, как Бог черепаху в одиночку? Если это

не ты, то кто? Недаром же ты с утра до позднего вечера руками и ногами махаешь на автоматной площадке. Скажи! Я не настаиваю на правде, только намекни, и я тебя прикрою, помогу. А вот вранье не люблю, у нас на Кавказе не принято от старших правду скрывать..

– Мой грех, товарищ командир – вздохнул, решившись ответить Кузьма – но, уж больно они сильно отделали, капля с «Красного Кавказа». Да и против меня, было пятеро на одного с дубинками, кастетами и ножами. Бой, был честный.

Командир вздохнул, подумал немного, затем прошелся по мостику, заложив руки за спину.

На палубе раздавался рев взлетающих самолетов.

– Балуевский взлетает и Красук – отметил, поморщившись, командир, как бы отвлекая Кузьму от разговора и глядя в сторону взлетевшим самолетам – был по связи официальный запрос флотской прокуратуры и севастопольского следака из милиции по тебе и Валиеву. Спрашивали, где вы были вчера вечером. Я ответил, как было. Командиру же врать не с руки.

Самолеты пошли в разгон, оставляя темный керосиновый след, в голубом с белыми разводами небе. На палубу вырулила еще одна пара самолетов для взлета. Шум заложил уши.

– Надо чтобы твои знакомые тебя прикрыли, и обеспечили алиби – вздохнув, сказал командир – иначе ведь может быть плохо. Один из этих подлецов, оказался сыном секретаря горкома партии. Представляешь, что они там против тебя могут раздуть? Командующий звонил. Тоже переживает, интересуется. Алиби себе будешь обеспечивать сам. А знаешь, что? Поезжай в отпуск. Как ты? Эх, Кузьма. Хороший ты парень. Не хочу тебя сдавать! И если поедешь – среж наш авианосный знак с груди, пока мы в Севастополе – и махнув рукой, командир повернулся и пошел в ходовую рубку.

С палубы с ревом ушла в небо еще пара самолетов.

Кузьма первым же катером сошел на берег, и к вечеру сидел, со сверкающей от счастья Зиной, дядей Васей и Анастасией Петровной в домике стариков в Стрелецкой бухте. Он им рассказал все как есть.

– Так, ты это никуда не ходил. Ты у меня сидел в коморке и ждал Зину в ресторане. Верно, я говорю женщины?

Из глаз Анастасии Петровны полились слезы, и глотая их она выговаривала:

– Ну почему люди не могут жить по правде. Ведь ловили второй год этих «колготок», а теперь Кузенька наш виноват во всем.

– Цыть бабы! Еще раз повторяю, Кузьма, не в чем, не виноват. Сидел в моей каптерке. Отгадывал кроссворды в «Огоньке». Я его попросил. Потом Зина его покормила, напоила чаем, и мы все вместе домой поехали. Весь ресторан может подтвердить. Верно Зин?

– Верно Василий Адамович!

– И если кто из вас, куда и кому кудахнет, то палкой моей получит порцию по спине. Ну, а на худой конец, если деваться будет некуда, возьму все на себя. Я их своей палкой покалечил и все. Пусть кто мне, что скажете ветерану войны и орденосцу.

Все засмеялись, представив, как дядя Вася воюет своей палкой. Даже Петровна с улыбкой вытерла слезы.

– Мы поедем ко мне – потянула Кузьму за руку за собой Зина – ему же завтра утром в отпуск.

– Так может он у нас останется – робко предложила Анастасия Петровна.

– Цыть, дура баба, ты что с печки свалилось, не видишь, что у них дело молодое, сами разберутся, кто где и как будет спать.

И Кузьма и Зиной, распрощавшись со стариками, и с ревом умчались на мотоцикле к Зине.

Через две недели «Брест» возвратился в Севастополь, и первым кто прибыл на корабль, был майор милиции Матрюков.

Его принял сам командир корабля, они долго пили чай, Командир предложил отобедать, пришлось согласиться. Долго разговаривали на отвлеченные темы, обсудили обстановку в стране и за рубежом.

В конце концов, утомленный горячим кавказским гостеприимством майор милиции Матрюков предложил выделить помещение и дать возможность переговорить с старшим лейтенантам Валиевем и капитан-лейтенантом Гусаченко.

– Помещение мы тебе майор выдели. Каюта авиаполка подойдет? – спросил командир корабля.

– Да мне все равно, какая каюта – ответил утомленный гостеприимством командира майор.

– А может баньку сначала? У нас знатная сауна, бассейн есть. Хочешь, сходим попариться с веничками эвкалиптовыми?

– Да на работе я, Виктор Александрович.

– Ну, на работе, так на работе – расстроился отказом майора командир корабля, и нажал кнопку вызова вестового.

– Помощника командира ко мне – приказал он, внезапно появившемуся, как из под земли рассыльному.

– Есть помощника командира капитан-лейтенанта Коноваленко – браво ответил матрос и ноги застучали по трапу ведущему вниз.

– А Коноваленко, какого года у вас выпуска? – заинтересовался майор.

– А семьдесят первого Калининградское училище закончил. Тоже побеседовать хотите?

– Нет, спасибо, мне хватит Валиева и Гусаченко. Мне нужны нахимовцы – потянулся, как кот, майор.

Перед каютой командира корабля появился высокий и подтянутый капитан-лейтенант.

– По вашему приказанию товарищ командир – козырнул он.

– Леша выдели каюту авиаполка товарищу майору и обеспечь ему на беседу Валиева и Гусаченко.

Леша повернулся, а затем вдруг сообразив и назад к командиру корабля:

– Так товарищ командир, Гусаченко вы на две недели отпустили в отпуск еще из Феодосии домой на Кубань в станицу Охотскую к родителям. У него там какие-то проблемы вы сказали.

– Товарищ командир как же так, ведь вы были предупреждены – с болью сказал майор милиции.

– Извини майор, запомнил немного. У него там что-то со свадьбой связано. Не мог не отпустить. Знаешь, сколько дел с этой подготовкой к переходу на Тихоокеанский флот. Ну, через две недели приедет, и поговорите. Две недели ждал и еще подождешь немного.

И майор, взяв папку под мышку, пошел вслед за капитан-лейтенантом в выделенную каюту беседовать с Валиевым.

Кузьма с Зиной наслаждались отпуском на Кубани в станице Охотской. Зина рассказывала о беседе с майором, опросивших всех сотрудников ресторана. Все подтвердили, сказанное Василием Адамовичем. Родители Кузьмы были рады, что он, наконец нашел свое счастье. Зина пришла к дому, и мать Кузьмы в ней души не чаяла:

– Гарная невестка у нас, работающая, красивая. Повезло нашему Кузеньке.

– Чего Кузьме. Ей повезло, что он у нас такой не пьющий, не курящий и работающий. Всем бы бабам таких парней! – ответил гордый за своего сына отец.

Две недели, пролетели, как один миг. И пришел момент, прощаться с родителями.

– Когда поженитесь? – задал прямой ответ отец.

– Перегоню «Брест» на Дальний Восток, и сразу к вам, здесь и сыграем свадьбу. Всю станицу пригласим.

Перекрестила мать Кузьму и Зину и они уехали в Севастополь.

На корабле полным ходом шло приготовление к переходу на Тихоокеанский флот.

Кузьма втянулся в подготовку и погрузку корабля. Каждый свободный вечер, он улучшив момент, убежал в маленький домик на Херсонесе. И там они с Зиной отдавались полностью своей первой любви.

Майор Мастрюков более так и не пришел на корабль. Что-то не сложилось в его рассуждениях.

Может его удовлетворили показания работников ресторана, может он нашел на кого списать это избиение. Кузьма не вдавался в подробности, но каждый день был готов к этой беседе.

Наконец, наступил день ухода корабля. С утра собрались, на холме над Угольной пристанью жены моряков, знакомые и любимые.

Кузьма, с сигнального мостика сразу нашел тоненькую фигурку рядом с мотоциклом.

– Товарищ командир разрешите, попрощаться, пока трап не убрали.

– Давай, две минуты тебе Кузьма. Туда и назад.

– Есть, товарищ командир – радостно взревел Кузьма, и бросился к кормовому трапу. Пролетел стрелой, мимо обалдевших вахтенных, уже готовивших трап к отдаче.

– Кузьма ты куда – отходим! – прокричал помощник командира Леша Коноваленко.

Кузьма только махнул рукой и побежал по лестнице наверх. Навстречу ему устремилась худенька фигурка в джинсовом костюмчике.

Встретившись на середине лестницы, они обнялись, и Кузьма целовал Зину, е в лицо, в губы, в глаза, в лоб.

Со слезами на глазах Зина, отталкивая его, говорила:

– Давай, Кузенька беги, опоздаешь. Мыждемся тебя!

– Кто это мы? Ты с дядей Васей?

– Нет, Кузенька – помни, что нас теперь двое и она прижала руки Кузьмы к своему животу.

Он стоял обалделый, не понимая, и не осознавая того что она ему сказала.

– Как это двое? И вдруг, наконец, осознав случившееся, подхватил Зину на руки, и закрутил ее вокруг себя на узкой лестнице.

С трапа раздался голос недовольный голос помощника:

– Кузьма, трап пошел. Давай быстрее!

Кузьма, аккуратно поставил Зину на лестницу, поцеловал в губы и потихоньку пошел вниз, Она шла за ним, не выпуская его сильные руки из своих. Из ее глаз текли слезы.

Он потихоньку удалялся, и наконец из пальцы потеряли контакт и еще раз взглянув в ее бездонные голубые глаза, он побежал огромными прыжками к трапу. Она так и осталась стоять, в том месте, где он ее оставил. Не успел он взлететь на корабль, как раздалась голос командира по громкоговорящей связи:

– Гусаченко на борту?

И услышав утвердительный ответ помощника, скомандовал:

– Кормовой трап убрать!

В гараже Черноморского флота, с вечера шла банальная пьянка. День рождения шофера, матроса Онаференко. Грише исполнилось, аж двадцать лет и отмечали дружно и гражданские и военные шоферы.

Стаканы звякнули с проходом КПП начальником гаража прапорщика Дырокола. Начальство из дома, мыши в пляс! Сразу накрыли столы. Водка, закуска, все что положено в таких случаях. Молодой шофер Андрей Гремихин сидел в углу, и потихоньку поднимал со всеми бокалы.

– Да я дежурный, мне нельзя – попытался он сначала, улизнуть от попойки.

Но старший по возрасту и по положению, шофер Николай Андреевич веско сказал:

– Ты что Андрей заложить нас хочешь? Сегодня выездов уже не будет до утра. Так что можно.

Захмелел Андрей с непривычки быстро, и потихоньку уснул.

Разбудил его дежурный по гаражу старший сержант Патрикеев:

– Вставай телепень, надо срочно за грузом на склад в Омегу. Приказ оперативного тыла флота.

Ничего не соображающий Андрей вскочил, и растеряно смотрел на происходящее.

Только что он был в родном городке и обжимал Натаху Чикунову и вдруг он в гараже и надо куда-то ехать.

Кто-то из шоферов уже ушел спать в казарму, кто-то из гражданских ушел домой. Николай Андреевич спал за столом, уронив свою сивую голову в остатки салата. Рядом с ним прикорнул именинник, выпивший явно больше всех.

– Я не могу, я выпил!

– Как это не можешь – ты дежурный шофер. Поезжай помедленнее и все будет нормально. Не докладывать же оперативному тыла, что у нас весь гараж перепился. Как-нибудь сам вылезай потихоньку.

– А может кто другой. У меня голова не соображает.

– Ты заешь луком, что бы запах отбить и рассольчику выпей – легче станет сразу. И потихому, потихому езжай, и не спеши – советовал старший сержант Патрикеев, и уже уходя сказал – вот молодежь пошла, не успел прийти и уже пьянствует. В наши годы деда такого бы не потерпели.

Выполнив указания Патрикеева, Гремихин еле вписавшись в ворота, выехал из гаража, едва не снеся шлагбаум. Выскочивший из будки дежурного младший сержант Мерзликин помахал ему вслед кулаком.

Сначала было вроде ничего ехать по почти пустому городу. Не видя особых препятствий ночью, Андрей летел поскорее выполнить задание, и ввернувшись завалиться спать. Красный или зеленый свет он уже не обращал внимание. Никого же на дорогах нет. Что бы взбудоражить нервы он закурил тяжелую «Приму». Курить он начал на службе и надо сказать, что в таком состоянии сигарета только расслабила его. Вылетая на перекресток, на красный свет у ресторана «Севастополь», он отвлекся, и не увидел идущий со стороны города на зеленый свет мотоцикл с коляской. Моментом тяжелый ЗИЛ смял игрушечный мотоцикл и двигаясь по касательной, сбросил его с дороги. Резко затормозив, Андрей выскочил из машины и побежал к опрокинутому в кювете мотоциклу. Из под коляски выбирался в крови старик в тельняшке:

– Ты, что же гад наделал?

Он кричал, не обращая внимания, на капающую прямо с головы кровь. Лучше бы ты меня старика, чем ее.

Андрей посмотрел на водителя мотоцикла. Перед ним лежала придавленная мотоциклом молодая девушка, с разбитой от удара головой и широко открытыми удивленными голубыми глазами. Расколовшаяся каска валялась под мотоциклом.

– АААААААААААААААААА – закричал старик, поняв, что девушка погибла. Он попытался вытащить девушку из под мотоцикла, но опустился рядом с мотоциклом, поняв что один не справиться.

Андрей, зажав руками голову, пошел и сел на подножку машины. Он не заметил, как приехала скорая, как к нему подошел милиционер, один, затем второй.

Они о чем-то спрашивали, но он их не понимал. В стороне оказывал первую помощь стрижку врач.

К нему обращались тоже с какими-то вопросами, но он не как бы, не слышал вопросов.

Девушку вытащили из разбитого мотоцикла, накрыли простыней, и положили на носилки, стоявшие рядом на земле. Простыня сразу начала намочить от ее крови.

Сквозь какой-то туман Андрей услышал от врача, подписавшего протокол:

– А погибла она не одна, а двое их было. Она беременная была на седьмом или восьмом месяце. Ребенок тоже погиб!

Кто-то из милиционеров захлопнул наручники у Андрея на руках, но он этого не понимал и не чувствовал. Он видел, что где-то вдалеке старший прапорщик Дырокол что-то объясняет милиционеру майору.

Затем майор милиции Матрюков опрашивал старика с залитым кровью пиджаком и тельняшкой.

Он долго не мог вытащить из него ни слова. Тот сидел, как сомнамбула и раскачивался телом и забинтованной головой. В конце концов, до старика дошло, что его спрашивают:

– Василий Адамович Ветвицкий. Швейцар я из ресторана «Парус», бывший боцман с крейсера «Куйбышев», а это – рыдания и всхлипывания прервали его речь – это была Зинаида Ивановна Мекешина, жена капитан-лейтенанта Гусаченко с «Бреста». Теперь уже бывшая жена! Она беременная была. А он на дальнем востоке, должен приехать.

Врач перевязывал ему голову.

– Не больно, так не больно здесь?

– Там не больно, больно здесь – и старик, показал рукой на сердце.

– Василий Адамович, а Мекешина была жена того Гусаченко, что с «Бреста»? – вдруг спросил следователь Матрюков.

– Да, его жена, Кузьмы. Но они не расписались, не успели, он должен был приехать через месяц с Дальнего Востока, и они планировали расписаться на Кубани. Как они были счастливы, как они любили друг друга. Как теперь это сказать Кузьме? Она же за мной в ресторан поехала, чтобы ночью по городу не ходил. Что я скажу Петровне, что она погибла из-за меня? Уж лучше бы я погиб – и он снова зарыдал.

Матрюкову было сложно и больно смотреть на плачущего старика, судя по знаку на пиджаке – участника войны. И он почувствовал, как у него тоже выступили слезы на глазах.

Кузьма сидел на могилке Зинаиды и их, так и не родившегося сына. Букет цветов и маленький плюшевый мишка украшали поросшую травой маленькую могилку. Лицо Кузьмы не выражало никаких эмоций.

Дядя Вася предлагал по обычаю помянуть погибшую, но Кузьма его не слышал, и казалось не понимал. Он взялся своими сильными руками за голову и сидел рядом раскачиваясь. Так они просидели на могиле целый день. К вечеру дядя Вася, еле увел Кузьму домой.

Из-за деревьев, за ними наблюдал майор Матрюков, не решаясь подойти.

Каждый день Кузьма шел на могилку, и сидел там до вечера. Директору кладбища он заказал мраморную плиту с надписями Мекешина Зинаида Ивановна 25.2.1957 – 18.6.1979, Гусаченко Иван Кузьмич – 18.6.1979 года.

Матрюков как-то через пару дней, собрался силами и подошел к Кузьме, возвращавшемуся домой. Молча, пожал руку, и представился:

– Майор милиции Матрюков. Соболезную тебе Кузьма Степанович!

– Спасибо – буркнул Кузьма, не обращая никакого внимания на майора.

– Извините, я знаю, что не вовремя. Но я хочу, что бы вы знали, что этот шофер Андрей Гремихин убивший их был пьяным, и получил десять лет строгого режима.

– Мне наплевать на этого Андрея – ответил Кузьма – Зиночки нет, Ивана нет. Вот, это все, значит и меня нет, и неба нет и жизни нет. В чем они виноваты были?

– Капитан-лейтенант пойдём, ко мне, выпьем, немного отпустит – предложил Матрюков.

Жил он недалеко от кладбища. Кузьма безропотно пошел за майором.

Дома они сели на кухне, Матрюков принес бутылку «Столичной», поставил на стол огурчики, подогрел на сковородке картошку. Кузьма сидел и молчал.

– Помянем Зинаиду – поднял майор налитую рюмку, и посмотрел на Кузьму. Слезы закапали у Кузьмы из глаз, он не брал свою рюмку.

– Я не пью вообще, извини, как тебя зовут?

– Юра! Юрий Иванович Мاستрюков – Мастрюков протянул Кузьме руку, но тот, как бы не заметил, протянутую руку, и майор убрал – а ты выпей сегодня немного легче будет!

– Легче мне уже никогда не будет – и Кузьма опять обхватив голову руками, и стал снова раскачиваться, как на кладбище.

– Слушай Кузьма, извини, пожалуйста, что не по теме. Это ты тогда этих «черных колготок», на «Остряках», так разделал. Я дело это вел, а ты был среди подозреваемых.

– Я, – безразлично ответил Кузьма, и протянул руки, как бы для наручников, – будешь арестовывать?

– Да ты что? Мы тебе все еще спасибо должны сказать, что ты эту мразь там на колени поставил.

Город стал чище и лучше. Я это дело уже сдал в архив. Висяк, так висяк!

– А если знал, что я, то чего тогда не арестовал?

– Я своих, Кузьма не сдаю. Ты мне симпатичен, что один не побоялся против пятерых. Я просто хотел с тобой поговорить тогда, понять. Побольше бы нам таких парней как ты, и мрази было бы поменьше на улицах и в подворотнях. К нам бы тебя, да у каждого свой путь!

– Пойду, я извини Юра, меня старики ждут – встал Кузьма с маленького диванчика – если ты меня не арестовываешь, значит пойду. А надумаешь арестовать, то я готов. Знал бы ты, что у меня на душе твориться. А на всю эту мразь, рук не хватит. Сам видишь.

Кузьма, молча одел фуражку, и не глядя в глаза Мастрюкову, закрыл за собой дверь.

Мастрюков подошел к окну и смотрел, как Кузьма шатающейся походкой пересекает двор, направляясь в сторону Стрелецкой бухты.

Где-то за окном над Северной бухтой раздавался рев взлетающих самолетов с авианосца «Смоленск», который только недавно пришел из Николаева. Севастополь жил своей жизнью. Фигурка Кузьмы скрылась за домами.

Кузьма шел и думал, что жизнь закончилась, оставалась только служба, которой он принял решение посвятить себя.

Хотелось банально напиться, но Кузьме не нужны были собутыльники, ему просто хотелось побыть одному, и подумать, как жить дальше, что делать.

Мимо промчалась, завывая сиреной, машина скорой помощи.

– Кому-то наверно тоже плохо? – думал Кузьма, и ноги сами несли его, к ставшими родными старикам.

Встречный бой

Громкий звон колоколов громкого боя ударил по ушам и сорвал Володю Никифорова с верхней койки и бросил вниз на вылезавшего не спеша из теплых объятий нижней койки капитан-лейтенанта Хромчука.

– Эй, лейтенант, осторожнее, ты не один в каюте живешь. Имей совесть, не прыгай старшим по званию на голову. Сколько времени?

По корабельной боевой трансляции вдогонку длинному звонку колоколов раздалось слова вахтенного офицера:

– Боевая тревога, боевая тревога, боевая тревога!

– Николай Иванович, ты извини, пожалуйста, я не хотел, сон глубокий, а тут тревога, ну я и на тебя ... А времени сейчас, четыре часа ночи без пятнадцати минуток – начал оправдывался Володя Никифоров, поглядев на «командирские» часы, подаренные отцом, натягивая брюки и на ходу влезая рукавами в темно-синий новенький китель. Корабль сильно качало с борта на борт и приходилось балансировать и держаться то за столы, то за переборки, Володя, не удержавшись, плюхнулся на стоявший у переборки диван. Куда-то делись дырявые тапочки, видимо при качке они уехали под диван. Поскрипывали от качки переборки корабля. За дверью каюты слышался топот множества ног матросов, летевших по боевой тревоге на боевые посты.

– Ладно, лейтенант прощаю на первый раз – улыбнулся Коля Хромчук – Наверно корабль непосредственного слежения обнаружил авианосно-ударную группу «Азова». Черт, но качает как? Баллов семь наверно. Авиацию не поднять теперь, придется нам с тобой, все расхлебывать. Мы теперь главные. Но в такую качку это тоже проблематично. Но если не мы, то кто? – задумчиво произнес капитан-лейтенант и выскочил из каюты в залитый светом коридор. Было слышно, как мимо каюты по коридору пробежали офицеры, мичманы и матросы, надеваясь на ходу, щелкали задрайки люков, тяжелых дверей.

Володя, наконец, нашел тапочки, и на скорую руку нацепив их даже без носков, тоже выскочил из каюты и лился в общий поток бегущих. Проскочил промежуточный коридор побежал в носовую часть корабля, как положено по требованиям корабельного устава по правому борту. Уже стояли, в коридорах правого борта построенные матросы аварийных партий с изолирующими противогазами на боку, химкомплектами и аварийно-спасательным имуществом в руках. Их возглавлял командир трюмной группы лейтенант Юра Потоцкий с противогазом на боку – выпускник училища имени Дзержинского, пришедший на корабль вместе в Володей. Юра, вжавшийся в переборку, и пропуская пробегавших мимо, увидев Володю Никифорова, сразу заулыбался и умудрился пожать ему руку:

– Привет Володя. Давай уж – не подведи нас – ты главный сегодня.

– Постараемся – потонул где-то уже далеко ответ Володи.

Вот и тяжелая дверь боевого поста. Отдраил задрайки и кремальеры запоров. Из поста дохнуло теплым воздухом. В посту находились уже мичман Кононенко и несколько матросов и старшин.

– Внимание – скомандовал мичман Костенко и доложил лейтенанту, что личный состав батареи прибыл на боевые посты и начал предстартовую проверку и подготовку ракет.

Володя никак не мог понять, как этот невысокий мичман умудряется столько держать в голове и имеет практически академические знания в ракетном деле. Казалось, что для него не существует ничего кроме любимых ракет, боевого поста и погребов. Конечно, Володя теоретически изучал в училище ракеты и устройство комплекса «Бриллиант», но иметь такие практические навыки, какие имел мичман, конечно можно только мечтать. При прибытии на корабль и первом знакомстве он сразу признался старшине команды, что не силен в практике обслуживания и использования ракет. Мичман воспринял доверительное отношение лейтенанта с пониманием и уважением. Хуже бывает, когда приходят надутые собственной значимостью лейтенанты и потом ломают дрова, как это было на «Москве», когда воткнули ракету в ракету при перегрузке из верхнего погреба в нижний.

Володя сел за свое рабочее место за пультом управления, которое ему сразу уступил мичман Кононенко и запросил ракетный погреб и кормовой боевой пост о готовности к бою.

Мичман Петров – старшина второй команды кормового поста доложил о наличии личного состава по боевой тревоге и начале предстартовой подготовки ракет.

Володя доложил командиру дивизиона крылатых ракет капитан-лейтенанту Слепакову Юрию Ивановичу о наличии на боевом посту всего личного состава и начале предстартовой подготовки ракет к стрельбам.

Тот дружески сказал:

– Ну что Владимир Константинович не подведите нас, уж пожалуйста.

По боевой трансляции внезапно включился командир корабля капитан 1 ранга Гиоев Виктор Александрович. Надо сказать, что в сложные минуты он всегда умудрялся находить нужные слова, доходившие до каждого матроса, и настраивать экипаж именно на решение поставленной кораблю задачи:

– Внимание товарищи офицеры, мичманы, старшины и матросы на корабле объявлена боевая тревога с целью проведения встречного учебного боя с авианосной ударной группой южных во главе с гвардейским авианосцем «Азов». Предположительно по данным разведки группа кораблей южных находится приблизительно 400 миль юго-западнее нас. По погоде сейчас мы не можем поднять штурмовую авиацию и вертолеты целеуказаний, но и противник находится видимо в такой же ситуации. Наша задача уничтожить его на максимальной дальности стрельбы крылатыми ракетами. Можно рассчитывать, что и противник будет стремиться сделать то же самое. Тактико-технические данные наших кораблей и авианосцев совпадают и многое зависит от того, кто раньше обнаружит противника и применит свое оружие. Для обнаружения АУГ «Азов» командованием эскадры отправлен сторожевой корабль «Страшный» Его задача обнаружить противника и выдать нам целеуказания. От действий каждого офицера, мичмана, старшины и матроса зависит успех встречного боя. Связисты вам держать устойчивую связь со «Страшным». РТС-овцам быть готовым к обнаружению кораблей и авиации противника. Ракетчикам быть готовым к нанесению удара по АУГ противника всеми крылатыми ракетами совместно с крейсером «Адмирал Грейг». ПВО-шникам быть готовым отразить воз-

душное нападение вероятного противника. От действий каждого офицера, мичмана, старшины и матроса будет зависеть успех боя. Не подведите сынки.

Это не совсем уставное окончание речи командира умилило Володю. На боевом посту все внимательно слушали выступление командира, оторвавшись от своих пультов. Матросы переглянулись между собой и по команде мичмана Кононенко, каждый продолжил выполнять свои обязанности, украдкой посматривая на молодого комбата и старшину команды.

– Главное чтобы молодой комбат не подвел, а мы-то выполним, все что положено – подумал, нахмурившись, старшина 2 статьи Бородачев, глянув еще раз украдкой на молодого лейтенанта.

– Товарищ лейтенант, так что мы вроде главные герои сегодня. Если мы условно уничтожим «Азов», то выиграем бой?» – спросил молодой матросик Голованов, недавно прибывший на корабль.

– Главные-то главные, но главное не опозориться – буркнул как бы про себя мичман Кононенко.

– Все слышали командира корабля? Начать приборную предстартовую подготовку ракет в пусковых контейнерах. Не болтайте – работайте!

Все матросы и старшины приникли к своим пультам.

У Володи забилося сердце от ответственности:

– А если, что не так сделаю, то в реальном бою погибнет вся наша группа кораблей. И хотя сегодня бой условный и реальные старты не предстоят – все равно ответственность большая. Здесь на борту командующий Черноморским флотом, командир эскадры кораблей. А на «Азове» тоже не дураки сидят за пультами – они уже на боевой службе почти полгода, а мы только вышли в Средиземку. И у них комбат не желторотый лейтенант, только что прибывший из училища, а полноценный гвардии капитан-лейтенант Баранов, стрелявший реально по целям не один раз в Белом море, когда я был еще курсантом.

Володя вздохнул и начал на пульте проверку ракет в пусковых контейнерах ПК. Мичман Кононенко внимательно смотрел за действиями командира батареи, и если тот ошибался или что-то делал не так, то ненавязчиво как бы ненароком его поправлял.

Внезапно дверь боевого поста открылась, и в узкое помещение протиснулись два капитан-лейтенанта. Один был заместитель командира БЧ-2 по политической части Ослонов Валерий Вильгельмович, второй неизвестный. Все сразу оторвались от пультов и обратили внимание, на вновь прибывших.

Володя встал со своего кресла и доложил капитан-лейтенанту:

– Товарищ капитан-лейтенант на боевых постах батареи главного калибра проводится предстартовая подготовка ракет.

– Понятно Владимир Константинович. Так потеснились немного ребята – сказал он, протискиваясь в тесное пространство между пультами к окошку в погреб и пульту командира батареи – У вас за стрельбами будет наблюдать корреспондент газеты «Флаг Родины» капитан-лейтенант Морозов Николай Николаевич – проговорил Ослонов, занимая место прямо за спиной командира батареи.

За окошком в погреб виднелись головки ракет, на которых уже проводился регламент. Володя украдкой глянул в погреб и ощутил затылком горячее дыхание замполита. А корреспондент пристроился прямо за креслом мичмана Кононенко, и достав фотоаппарат – хотел сфотографировать заулыбавшихся матросов.

– У нас тут совершенно секретная техника и вооружение – нахмурился мичман Кононенко – Фотографировать нельзя.

Корреспондент немного сконфузился и убрал фотоаппарат.

– А это должен был я ему сказать – подумал комбат и улыбнулся мичману Кононенко, который снова склонился на пультом и начал колдовать. Дыхание замполита прямо в затылок

начинало раздражать Володю – Черт побери, если так будет продолжаться целый час, то мы благополучно завалим все стрельбы. Надо что-то решать.

И наконец, приняв ответственное решение, он включил связь с командиром дивизиона:

– Товарищ капитан-лейтенант на боевой пост прибыл замполит БЧ-2 капитан-лейтенант Ослонов и корреспондент газеты «Флаг Родины» капитан-лейтенант Морозов. Я боюсь, что под таким контролем может быть повторение событий произошедших на крейсере «Адмирал Истомино».

На «Адмирале Истомино» года три назад производили стрельбы главным калибром. В 1-ой носовой артиллерийской башне, также собралось большое количество проверяющих, и желавших лично посмотреть на стрельбы изнутри. Во время стрельб произошел затяжной выстрел. Не желая ударить перед большим количеством проверяющих лицом в грязь, и не сбить темп стрельбы командир батареи, в нарушение всех инструкций, решив, что произошла осечка и приказал открыть казенную часть и извлечь заряд. В момент открывания орудия произошел выстрел прямо в башню. Сгорело 32 человека, в том числе и все проверяющие.

Слепаков понял озабоченность в голосе командира батареи. Он представил, что твориться на набитом людьми боевом посту и попросил на связь замполита:

– Валерий Вильгельевич, я думаю, что ваше присутствие с корреспондентом «Флага Родины» на боевом посту, где и так мало места для личного состава батареи, отрицательно будет влиять на проведение стрельб. Поэтому убедительно прошу вас с корреспондентом газеты, прибыть на мой командный пункт и отсюда мы вместе будем руководить стрельбами. Да и места у меня здесь поболее ЦКП и БИЦ рядом, командир БЧ-2 находится здесь – все для вас картинка будет нагляднее.

Замполит, не ожидавший такой наглости от молодого, только что вылупившегося из яйца, командира батареи сразу закусил удила:

– Юрий Иванович прошу вас не указывать мне, где быть во время стрельб. Я как вы понимаете, представитель партии в боевой части и один из руководства боевой части сам принимаю решение, где и когда мне находится. А партийное представительство должно быть в самых ответственных местах.

По громкоговорящей связи послышался глубокий вздох командира дивизиона – Тогда вам будет, лучше находится на посту наведения. Стрельб реальных не предвидится, зато пост наведения ракет на цели будет работать с полной нагрузкой. А там что ничего не видно.

Продолжал в более мягком тоне настаивать командир дивизиона. Матросы и старшины уткнулись в свои пульта, не желая участвовать в перепалке офицеров.

Внезапно подал голос, молчавший до этого корреспондент «Флага Родины»:

– Валерий Вильгельевич мне кажется, что командир дивизиона прав. Здесь действительно мало места, и фотографировать нельзя. Лучше мы после стрельб, если они будут успешными, побеседуем с личным составом батареи в том месте, где можно фотографировать и беседовать. Сейчас отвлекать личный состав от исполнения своих обязанностей наверно не совсем правильно. Может мы действительно, будем наблюдать за стрельбами с КП командира дивизиона, если там достаточно места и он не против. Да и если честно мне интереснее будет посмотреть за наведением ракет на цели.

Закусивший удила замполит был вынужден согласиться с доводами корреспондента и они стали пробираться к выходу. В дверях он повернулся и негромко сказал комбату, пришедшему со своего стула:

– Ну, мы с вами товарищ лейтенант – он сделал упор на звании Никифорова – Еще разберемся на партийной ячейке, как это партия вам мешает проводить ответственные стрельбы.

И с этими словами, он громко хлопнул, задрав кремальеры входной тяжелой двери.

Все находившиеся на боевом посту посмотрели на командира батареи. Он, сидел, уткнувшись в свой пульт, и казалось, что все произошедшее его не касается. Кононенко молча протянув руку, положил на руку командира батареи, и пожав ее, сказал тихо:

– Одобряю товарищ командир. Но Ослонов, очень злопамятен и не забудет вам этого.

Получить от подчиненных обращение командир дорого стоило. Как правило, когда подчиненные не уважали командира, то просто обращались к нему по званию. Значит, его признали командиром.

– Товарищ капитан-лейтенант замполит БЧ-2 и корреспондент убыли с боевого поста к вам на командный пункт. Начать проверку электрических цепей ПК-1 – скомандовал Володя, обращаясь уже к подчиненным, и опять уткнулся в свой пульт.

– Есть начать проверку электрических цепей ПК-1 – ответил мичман Кононенко и стал проводить со своего пульта необходимые проверки. От подчиненных матросов и старшин стали поступать доклады о проведении различных проверок.

С командного пункта дивизиона раздалось кашлянье командира дивизиона и его удовлетворенный голос:

– Есть убыли на мой командный пункт. Вы уж там Владимир Константинович не подведите нас.

Вы с Кононенко, постарайтесь, пожалуйста. Какая помощь понадобится спрашивайте – не стесняйтесь. На вас сегодня смотрит все Средиземноморье.

Матросы и старшины заулыбались.

За несколько дней, до описываемых событий на совещании в салоне кают-компании офицеров был собран весь командный состав кораблей эскадры, командиры боевых частей, дивизионов и батарей комплексов крылатых ракет. Командир эскадры кораблей Тихоокеанского флота контр-адмирал Смелков проводил инструктаж офицерского состава:

– Впервые два советских авианосца вышли одновременно в Средиземное море. Проведение встречного боя двух авианосных групп «Бреста» и «Азова» позволит нам более реально оценить свои силы и возможности, проверить нашу материальную часть, готовность экипажей кораблей к выполнению поставленных задач. Эскадра кораблей Северного флота во главе с авианосцем «Азов» – по учению «южные» по отношению к нам находится в более комфортных условиях. Они уже почти полгода на боевой службе. Расчеты отработаны, корабли и экипажи сплавались. У нас, к моему глубокому сожалению, большинство кораблей – новостройки. Часть кораблей прибыла недавно с Балтийского флота и не сплавалась с черноморцами. Тяжелый атомный ракетный крейсер «Адмирал Грейг» имеет неисправности ракетного комплекса «Сапфир», а большой десантный корабль «Сержант Щепотьев» не может держать эскадренную скорость.

Присутствовавшей, на инструктаже командующий Черноморским флотом контр-адмирал Розумовский, недовольно поморщился и подумал:

– Вместо того, чтобы настраивать руководство корабле на поставленную задачу, он сразу начал плакаться, на случай неудачного развития сценария боя. Вроде как оправдывается уже на случай неудачи. Ну что балтийцы прислали на переход не совсем подготовленные корабли – это факт. Но эти тихоокеанцы какие-то отмороженные все – жалуются, жалуются, а надо воевать. Недаром во время войны Китая с Вьетнамом они не смогли выполнить ни одной поставленной задачи и развернуть силы в назначенное время и в назначенном районе.

Смелков посмотрел на командующего флотом, но тот спрятав неприязнь с лица, махнул рукой, мол продолжайте.

Контр-адмирал Смелков вызвал к развешенным картам начальника разведки эскадры и тот начал излагать полученные по данным разведки данные:

– Здесь – он показал на карте – Предположительно находится соединение Северного флота, по учению «южные» под командованием контр-адмирала Дроздова, немного восточнее

у берегов Ливана находится соединение кораблей американского флота во главе с атомным крейсером УРО «Северная Каролина» из состава 61 соединения кораблей шестого американского флота. Подходит к Гибралтару авианосно-ударное соединение «Нормандия», прибытие которого в восточное средиземноморье мы ожидаем через трое суток. У берегов острова Крит находится соединение кораблей пятой оперативной эскадры во главе с крейсером «Адмирал Спиридов». Данные космической разведки подтвердили данные, полученные радиоразведкой. На слежение за нами находится эсминец США типа «Спруенс», а за соединением «южных» следит новый эсминец УРО «Карл С. Мортимер».

Командующий флотом закашлял, и не вставая, задал вопрос:

– Какова вероятность ошибки космической разведки? В Средиземном море пролегают основные пути движения гражданских судов многих стран? Танкера, сухогрузы и особенно крупные пассажирские теплоходы представляют довольно крупные цели похожие на авианосцы. Из Гибралтара к Суэцу и обратно идет большой морской путь. Вы учитываете все это?

Вскочил и со своего места, и ответил на вопрос командующего флотом командир эскадры:

– Разрешающая способность космического комплекса выдачи целеуказаний «Сказка» довольно велики, что можно в реальном времени наблюдать даже силуэты кораблей. Так вот в указанном начальником разведки месте «южных» действительно присутствует крупный корабль силуэтом, напоминающий авианосец. Вокруг корабля характерная группа кораблей сопровождения, построены в круговой ордер.

– Ну, ну – поджал губы командующий флотом – Воюйте Вячеслав Александрович. Но помните, что Дроздов – хитрый лис и просто так не станет дожидаться, когда вы по нему нанесете удар крылатыми ракетами и разовьете успех своими штурмовиками. Да и у них гвардейский флаг, у них не даром.

После начальника разведки выступал начальник оперативного отдела эскадры, флагманский специалист ракетно-артиллерийского оружия, флагманский РТС, флагманский связист, заместитель командира эскадры по авиации и другие специалисты. Командиры кораблей, командиры боевых частей и дивизионов внимательно слушали, изредка задавая уточняющие вопросы по деятельности своих кораблей и подразделений.

Володя Никифоров гордый тем, что его лейтенанта, пригласили на такое совещание сидел забившись в самый угол рядом с командиром группы управления крылатыми ракетами капитан-лейтенантом Хромчуком и командиром группы целеуказаний упомянутого командиром эскадры комплекса «Сказка» добродушным и слегка полноватым старшим лейтенантом Валерой Мордвиновым.

– Красиво на бумаге, а забыли про овраги – усмехнувшись, прошептал Хромчук Мординову.

– Да уж контуры корабля видит, преувеличивает командир эскадры возможности моего комплекса. Хотя если очень захотеть, то можно увидеть, то что хочется – ответил шепотом Валера Мординов.

– Ну что командиры завтра утром в бой. Посмотрим насколько у вас совпадут ваши желания с вашими возможностями – подытожил совещание командующий флотом, и усмехнувшись вышел из салона кают-компании.

Ночью, был сильнейший дождь, и море штормило, хотя начальник метеослужбы и прогнозы погоды указывали на то, что будет ясная погода.

– Опять эти гидрометеорологи, все нам изгадили – говорил шепотом командиру корабля заместитель по политической части капитан 2 ранга Попов Олег Николаевич по корабельной кличке «Митрополит» – Авиацию не поднять даже разведчиков и вертолеты целеуказаний.

– Я не понимаю, какого черта командир эскадры послал «Страшный» в корабли радиолокационного дозора. Его же сразу уничтожат. У нас же есть в охране многоцелевая атомная подводная лодка типа «Скат». Вот ее отправить на поиски «южан». Но у командира эскадры свои резоны – спросил замполита командир корабля, сидевший в своем походном кресле и пивший хорошо заваренный чай.

Командир признавал только чай и кофе особо не жаловал. Считал, что чай более полезен и дает необходимую стимуляцию для работы мозгов.

В походном кресле командира эскадры дремал начальник походного штаба капитан 1 ранга Полубояров. Приглашенными огнями светились приборы в ходовой рубке, и в их свете высвечивался силуэт рулевого. За иллюминаторами по левому и правому бортам в свете молний высвечивались, стоявшие на бортах силуэты вахтенных сигнальщиков, одетых по такой погоде в теплые канадки с надвинутыми на головы капюшонами. У радиостанции «Рейд» прислонился к иллюминатору вахтенный офицер старший лейтенант Валиев из боевой части 3, готовый по первому слову командира выполнить его команды.

– Ну, Виктор Александрович у «Страшного», скорость какая, и у лодки какая под водой? Не сравнить, а воевать надо побыстрее, и сведения нужны срочно, а лодка может и всплыть не сможет и донести. А комбриг Дроздов – ой хитрый адмирал, чует опасность и знает, откуда ее ждать. Нет, не подпустит он лодку, а надводного корабля он не ожидает от нас такой наглости. Я его по Северу хорошо знаю. Уж с ним воевать лучше не надо – шептал замполит на ухо командиру корабля.

Нос корабля ритмично, то поднимался, то опускался в воду. Волны шли как бы не ровно по курсу, а немного со стороны и это усугубляло качку, которая не была бортовой, и в то же время была какой-то полубортовой от чего людям непривычным к ней было еще хуже. В начавшем уже рассветать небе далекими сполохами высвечивались сверкания далеких молний и в их отблесках изредка проглядывали силуэты идущих по левому и правому борту кораблей. Вон как раскачивается громада тяжелого атомного ракетного крейсера «Адмирал Грейг», идущего по левому борту, а по правому борту высвечивался силуэт сторожевого корабля второго ранга «Стерегущего», недавно пришедшего с Балтики, специально для сопровождения «Бреста».

– Да и я тоже его хорошо знаю, был у него старпомом на «Североморске». Знаю, что не поперет, пока все не проверит и семь раз не отмерит. Хитрый лис, говорят на востоке такой же хитрый Сатулайнен – командир нашей будущей бригады, но его-то нам на переход как раз и не дали. А насчет «Страшного» все равно у меня сомнения. У «Азова» и «Адмирала Эссена» загоризонтные РЛС обнаружит «Страшный» гораздо раньше, чем он успеет что-то увидеть и передать. Вот в этом мои сомнения. 20 миль разница в обнаружении – это большая разница.

С шумом открылась дверь в ходовую рубку, и еле удерживая равновесие на ходу к креслу начальника походного штаба, прошел как эквилибрист вахтенный экспедитор из БЧ-4, на ходу доставая телеграмму для начальника штаба. Тот проснулся, жадно ее схватил и внимательно прочитал:

– Вы чего там шепчетесь командиры? «Боевая тревога» по группе кораблей, «Страшный» на дальности локационного контакта наблюдает типичную группу кораблей в порядке посредине которой явно авианосец. Хитрый Дроздов америкосами прикидывается. На УКВ шпарит по-английски, но наш переводчик со «Страшного» говорит, что туфта – не чисто говорят. Так что боевая тревога! Сейчас начнется выдача целеуказаний для ракетного удара.

Вахтенный офицер старший лейтенант Валиев по приказу командира корабля нажал на блямпер колоколов громкого боя и по кораблю зазвучал длинный почти на целую минуту звонок.

– Боевая тревога! Боевая тревога! Боевая тревога! – трижды усугубил он длинный звонок колоколов громкого боя, словами по боевой трансляции.

Командир машинально отметил для себя:

– Три часа сорок пять минут. Ну что ж посмотрим на эту войну.

Надевавший по боевой тревоге китель капитан-лейтенант Гусаченко столкнулся в дверях офицерского коридора со своим закадычным другом командиром БЧ-4 капитан-лейтенантом Асланбековым.

– Что Мансур повоюем?

– Повуюем Кузьма. Только я одного понять не могу – ради призрачного успеха боя рисковать целым кораблем с тремя сотнями людей. Неужели, нельзя по другому? Ведь не подпустят его для передачи целеуказаний. Может я как связист не понимаю ваших командирских замыслов?

– Ты про «Страшный»?

– Ну да ведь и ежику понятно, что в реальном бою амирикосы уничтожат его, не дав подойти даже на дальность локационного контакта. Как воевать-то будем? Опять как в 41-ом кораблями, самолетами и людьми?

– Вот так и будем, как начальство прикажет и воевать и умирать. А пока у нас принято воевать кораблями и людьми. Наверно у нас их много – внезапно разозлился Кузьма, и пожав руку Мансуру побежал на свой боевой пост.

Мансур пожав плечами и побежал в свой КПС. По пути он догнал начхима Серегу Огнинского, бежавшего в сторону салона флагмана.

– Серега ты куда – удивился он, зная, что командный пункт химслужбы находится ниже и ближе к корме.

– Да вызвали нас с Борей Мальковым срочно накрывать столы в кают-компании. У вас тревога, а у нас главное, что бы руководство хорошо позавтракало, а то как воевать им на голодные желудки. Да и нам, если что не так, не оправдаешься. Да и потом сегодня вроде ядерной и химической войны не ожидается, так что я пока свободен – прокричал находку начхим, и улетел вверх по трапу в сторону салона флагмана.

– Вот странно бой, тревога, а начхима припахали вместо командного пункта и тревоги салон накрывать. Вот тебе и война, и встречный бой. Главное дело, что бы начальство было сыто и хорошо отдохнувшими – подумал Мансур, скатываясь по трапу на 17-ый сход в КПС (командный пункт связи).

– Товарищ капитан-лейтенант в боевой части происшествий не случилось. Установлены каналы связи с – произвел типовой доклад дежурный по связи лейтенант Саша Герасимов, недавно пришедший из училища, когда Асланбеков вошел в КПС.

В КПС уже прибыли командиры дивизионов, старший инженер и замполит.

– Ну, что все руководители боевой части связи в сборе. Обращаю ваше особое внимание на связь со «Страшным» и внимательное прочтение и выверку всей информации, касающееся целеуказаний по группе «южных» и «Азову» персонально.

Командиры дивизионов пошли на свои командные пункты. В КПС-е остались замполит БЧ-4 старший лейтенант Дьяконов Михаил Петрович, старший инженер БЧ-4 старший лейтенант Морковин Сергей Витальевич и дежурная служба.

– Мансур Умарханович, я не понимаю зачем «Страшный» послали на слежение. Ведь его уничтожат раньше, чем он приблизится к группировке «южных». Ведь в реале у америкосов береговая авиация и наше место им станет гораздо раньше, даже в такую погоду, чем «Страшный» отойдет от соединения – вопрошающе спросил замполит.

Как бы в подтверждение его слов раздался резко нарастающий шум пролетающего над кораблем самолета.

Разведывательный «Орион» – наверно четыре часа – по ним можно асы проверять. Для них погода и непогода все равно летают. Так что наше место, для америкосов – фиговый листок. Все видят и знают. А мы? – подумал Мансур.

С сигнального мостика прошел доклад вахтенного сигнальщика Васо Барамидзе:

– «Орион» № 12356 с американскими опознавательными знаками с запада прошел над кораблями, и развернувшись удалился на запад.

Мансур разозлился. Мысли замполита и Кузьмы были созвучны его мыслям.

– Понятно, что войны без потерь не бывает, но так откровенно и бездарно терять целый боевой корабль – ему было непонятно. Ведь воевать-то придется без упрощений и снисхождений. И это в эпоху космической разведки, бурного развития радиоэлектроники. Может с Мишей Волковым связаться одноклассником и командиром БЧ-4 «Азова», и обменяться информацией о своих местах, да и прекратить эту дурацкую вакханалию, затеянную в штабах? Нет уж, пусть воюют без обмана рабоче-крестьянской власти, а с Мишкой все равно надо будет встретиться после встречного боя и посидеть. С выпуска не встречались. Ну а мы на разборе посмотрим, что у них там получится, и насколько командир эскадры и его штаб компетентны в своих вопросах.

– Михаил Петрович ну что ты мне сердце терзаешь? Я тоже сомневаюсь в правильности деятельности нашего руководства, но они выше нас с тобой сидят и им виднее, что и как делать.

– Да нет просто на «Страшном» мой друг Володя Суходольцев замполитом БЧ-5 – у него трое детей, старенькие родители. А если это в реале, страшно подумать, что будет. Их же умирать отправили.

Мансур теперь окончательно разозлился, чего за ним не замечалось ранее:

– На войне без потерь не бывает Михаил Петрович, иди ка ты в экспедицию и проконтролируй там работу наших доблестных экспедиторов, которые уже слегли при первой волне. Сейчас, пойдут реальные целеуказания, для ракетной стрельбы. А их старшина команды мичман Орленко, не отпускает обрез, так с ним и несет вахту. А от них много сегодня зависит, как пройдут эти стрельбы.

– Хорошо Мансур Умарханович, мне все понятно – покладисто согласился замполит и направился в экспедицию.

Сидевший напротив старший инженер оживился и сразу стал решать свои вопросы:

– Мансур Умарханович у нас плохо с генераторными лампами ГУ-84-б. Если до Дальнего Востока может не хватить. Может в Анголу, закажем штук 50. Исчезают, не знаю сам куда.

– Заказывай сколько надо на Москву, я подпишу, если действительно надо. Хотя только вышли и уже не хватает. Ты уверен? Мы же работаем с половинной нагрузкой, передатчики не перегружаем вроде.

– А матросы делают себе серебряные цепочки из контактов ламп. Я сегодня у своих отобрал сразу 10 штук. Красивые такие плетенные и обжатые хорошо – классно смотрятся – вмешался в разговор начальства дежурный по связи Саша Герасимов, колдовавший за пультом комплекса связи.

– Вот тебе Сергей Витальевич и ответ, куда деваются лампы. Курочат их наши матросы на серебряные цепочки. Разбирайся и наказывай виновных, а то так и до Гибралтара не дойдем – генераторных ламп не хватит. Если узнаю, кто лампы на «боевой службе» курочит – будем привлекать к уголовной ответственности – разозлился не на шутку командир БЧ-4 – надо бы проинформировать особиста о таком развороте дел. Хуже будет если он сам узнает и нам кое что прищемит в своих тисках за такие дела.

Старший инженер смешался, и спросив разрешение, побежал разбираться со своими радиомастерами и хранителями кладовых БЧ-4.

В ходовую рубку поднялся бледный от качки мичман Орленко:

– Товарищ адмирал получены первые целеуказания от СКР «Страшного». Разрешите доложить?

– Докладывай – сгреб бумаги, бывшие на его столе контр-адмирал Смелков – А лучше, давай ка сюда эту телеграмму. Почитаем, что там докладывает этот Мерцанский. Где у нас сейчас этот «Азов»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.